

Блики

Виталий Цориев

Виталий Тимурович Цориев

Блики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29418785

SelfPub; 2018

Аннотация

История подростка Артура, застрявшего на границе между мирами и вынужденного искать выход. Его приключения будут захватывающими, он увидит много чудесного, страшного, встретит новых друзей, соприкоснется с участниками глобального заговора, но, в конце концов, преодолеет все искушения, пройдет все испытания и получит то вознаграждение, которого всегда жаждал – Свободу.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	6
2	12
3	15
4	18
5	20
6	22
7	25
8	26
9	27
10	29
02 Квест	30
1	30
2	38
3	42
4	47
5	50
6	54
7	58
8	64
9	69
10	72
11	74
12	77

13	80
Девочки едят мальчиков	82
03 Реанимация	86
1	86
2	91
3	93
4	95
5	97
6	99
7	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

01

Интро

It's okay to eat fish

Cause they don't have any feelings

1

Во влажную от смазки скважину замка беззвучно проникает ключ, затвор щелкает и дверь открывается, пуская внутрь Артура, белокурого шестнадцатилетнего юнца. Сняв кеды в темноте, он идет по узкому коридору к себе в комнату, подсвечивая путь экраном смартфона. Старый потертый пол, комки пыли по углам. Его мать опять пьяна и уже спит – он не хочет ее будить, поэтому проходит мимо ее спальни тихо, чуть ли не на цыпочках. Он знает, что опьянение и посторонний шум не мешают ей сохранять чуткость во сне, и она часто просыпается от малейшего шороха, если причиной этого шороха является он. Свет от телевизора, который она забыла выключить, заставляет тень от люстры метаться по потолку, то влево, то вправо, растягиваясь и двоясь. Какой-то старый, снятый еще в начале века фильм. Запах перегара, раскатистый храп.

Он открывает окно в своей комнате, смотрит на оранжевый от света уличных фонарей асфальт, на вывеску клуба Катулл, в котором он только что сидел с друзьями. Уютный подвал, тихий эйсид-джаз, кальян с гашишем, полумрак. Они вышли на улицу, чтобы посадить на такси парня из своей компании и сейчас стоят и курят на тротуаре в ожидании, когда подъедет машина. Они так молоды, импульсивны. Артуру даже кажется, что он видит себя на противоположной

стороне улицы у входа в клуб, видит, как его призрак делает последнюю затяжку и бросает окурок в забитую бутылками урну, прежде чем спуститься по лестнице вниз и вновь зайти в это злачное заведение. Красный уголёк на конце недокуренной сигареты вспыхивает в последний раз, рассекая воздух, и, врезавшись в зеленое стекло бутылки из-под пива, взрывается множеством искр, озаряя урну изнутри. Артур моргает: его зеленоватые глаза, его гладкая кожа. Разрозненные волокна табака еще какое-то время тлеют в темноте, но их уже не видно.

Вернувшись в себя, он вспоминает, что принес из клуба пару пилюль и решает закинуться ими перед сном. Из соседнего квартала до его обостренного слуха долетают хлопки гранат со слезоточивым газом, похожие на звуки вылетающих из трубы зарядов фейерверка – полиция в очередной раз разгоняет толпу неонацистов или националистов, он точно не знает, как их правильно называть, и, к тому же, вечно путает похожие по звучанию слова.

Стянув узкие джинсы и футболку, оставив на себе только носки и трусы, он идет в ванную, чтобы умыться лицо и почистить зубы. Телевизор уже выключен и теперь в коридоре совсем нет света.

– Артур, все хорошо? Ты так поздно сегодня... – хриловатый голос матери из темноты.

– Да, мам, все нормально, не волнуйся, спи – он стоит еще несколько секунд напротив двери в ее комнату, но она боль-

ше ни о чем не спрашивает его. Взгляд ее глаз, устремленный в потолок, чехарда образов прошлого.

Мятная зубная паста, журчание воды в сточном отверстии. Он никогда не закрывает кран, пока чистит зубы – ему нравится этот звук, он его успокаивает словно звук родника в японском саду камней: круги борозд по мелкой гальке, куски базальта, поросшее мхом основание старого деревянного моста, по которому так хочется перейти на другой берег, такой зыбкий, туманный, тихий. Трещины в фаянсе раковины, ржавые потеки, пластиковый стакан, в который он сейчас бросит щетку и дно которого отзовется кратким тук, словно он взял горсть округлых камешков, чтобы бросать их в пруд, но выронил один и он упал ему под ноги, на побуревшую от влаги доску: тук. Звуки, что отмеряют его время. Перестук колес поезда. Пыльная антикварная лавка, механические часы с боем, маятник, способный вогнать в транс, если долго смотреть за его движением. Молодо-о-й человек, зачем вы торчи-и-те в моем магази-и-не? Вы же ничего не будете брать, вам это просто не по карм-а-ану! Голос старика дребезжит, словно монета, брошенная на прилавок. В какой видеоигре это было? Или он вправду заставлял нервничать владельца всего этого барахла? Артур выплевывает вспенившуюся пасту, сует щетку под струю воды, полощет рот, умывает лицо. Зеркало с начавшей отслаиваться амальгамой, точки его зрачков.

Вернувшись в комнату и поставив стакан с водой на тум-

бу, он достает из джинсов пластиковый пакетик с двумя капсулами: их глянцевые оболочки тускло светятся в полумраке, ловя лучи электрических ламп с улицы, концентрируя их на себе, и ему кажется, что продолговатые капсулы сияют так, словно наркотическое вещество, скрытое в них, само стало источником света. Вытряхнув их на ладонь, он еще несколько секунд мешкает, раздумывая, стоит ли глотать их перед сном, но не находит ни одного аргумента против. Капсулы впитывают пот, их оболочка становится липкой. Испугавшись, что из-за его нерешительности желатин растает от тепла его кожи, он, наконец, закидывает капсулы в рот и запивает их водой. Эту смесь, микстуру, Артур пробует впервые, он даже не знает, какие именно химические соединения входят в ее состав, но то, что ему рассказали друзья, заставляет его почувствовать прилив возбуждения. Неопределенность приятно стимулирует его мозг, его воображение и он ложится в кровать, сняв промокшие в ванной носки и скинув на пол серебристое покрывало, – он полон предвкушением новых впечатлений. Прохлада постельного белья, уличный шум, чертежи теней на потолке... Искаженные проекции предметов, многократно отраженные звуки, синтетическая ткань, сплетенная полностью автоматическим станком.

Он пытается закрыть глаза, но его веки стали прозрачными. Из-под его по-монашески узкой кровати доносятся звуки, похожие на сдавленное хихиканье механических крыс. Суета жизни, сумрак углов, мертвые пророки. Мурашки

пробегают по коже Артура, стягиваясь к стволу позвоночника и устремляясь по нему вверх, к головному мозгу. Он чувствует, что энергия накапливается в его теле, словно в аккумуляторе, приятно пощипывая холодом нервные окончания, искусно вшитые в неопытную плоть. Он улыбается, осознав комичность своего положения: он лежит ногами к раздвижным, зеркальным дверям большого платяного шкафа, которые вот-вот откроются, приглашая его в свое потустороннее нутро. Смех становится сильнее и Артур понимает, что это смеется он сам, а не бредовые крысы. Все его тело подрагивает от череды мелких спазмов. Продолжая хихикать, он встает с кровати и идет к шкафу. Подойдя вплотную, он останавливается на миг, разглядывая свое отражение. Ему кажется, что он похож на эльфа из детской красочной книги. Сноп соломенных волос на голове, заостренные кверху уши, гладкие голени, чуть оттопыренные трусы. Подросток в зеркале подмигивает ему, отворачивается и убегает в пустоту. «Это был я? Где я теперь?». Свалявшиеся перья внутри подушки, старой, неудобной, пропахнувшей его потом... Их комки так сложно размять, сколько их не тряс, они всё равно остаются... Но эти перья внутри нужно хорошо взбить перед сном, иначе приснятся кошмары. Так ему говорила мать в раннем детстве. Металлический привкус во рту, забитом пеной, белки закатившихся глаз с красными прожилками. Центральная дверца шкафа резко отъезжает влево, почти как дверь в вагоне метро, с тем же звуком, с тем же запахом сырости и ре-

зины, и он, помимо своей воли, делает шаг навстречу тьме. Из-под кровати вслед за ним бегут большие юркие крысы с длинными розовыми хвостами, такими нежными и чувствительными на вид.

2

Он забыл закрыть дверь в комнату на шпингалет и поздним утром его мать, предчувствуя плохое, заглядывает к нему. Ее сын, которому она дала имя Артур еще до его рождения, лежит навзничь на расправленной кровати. Дверца платяного шкафа открыта, на полу рядом со стулом валяются джинсы. Она подходит ближе, чтобы лучше разглядеть его лицо: из приоткрытого рта мальчика стекает по щекам розоватая пена, глаза закатились так, что видны только полумесяцы белков. Она переворачивает его на бок. Начиная причитать, убирает с губ и языка липкую пену, и, вытерев ладонь об одеяло, несильно бьет его по щеке, пытаясь привести в чувства. Никакой реакции. Она отчетливо слышит, как удары её сердца становятся все сильнее, заставляя ее виски резонировать от боли. Больше не на что надеяться, если он умрет, нечего ждать. Она возвращается к себе в комнату, берет со стола для косметики телефон, набирает номер службы спасения. Оператор, задав ей несколько вопросов, говорит, что машина скорой помощи уже в пути.

Какое-то время она сидит на табурете в комнате сына, поглаживая его ладонью по голове. С укоризной и жалостью смотрит на его бледное лицо, на худой торс. Слезы мерно капаят с ее воспаленных век на щеки, она бормочет себе под нос, разговаривая сама с собой, задавая себе и ему бес-

смысленные вопросы. Похмелье, стресс, разочарование, жалость к себе, чувство одиночества и обреченности. Наконец, в дверь звонят, и она идет встречать врача – коренастого мужчину средних лет, который заходит в квартиру вместе с женщиной-фельдшером, коротко остриженной, некрасивой, и молодым рослым санитаром. Женщина подходит к Артуру, меряет ему пульс, заглядывает с фонариком под веки, проверяя реакцию зрачков на свет – глаза закатились, но не до конца, суженные зрачки видны. Врач уже знает от диспетчера, что пациент, со слов его матери, пришел домой после вечера, проведенного в клубе, и, скорее всего, они имеют дело с отравлением наркотиками. Наркотический транс, или что-то в этом духе.

– Вы говорили сыну, что нельзя глотать всё подряд? – врач по инерции пытается шутить, но его голос такой ровный и бесстрастный, что сложно понять, серьёзен он или нет. Он обменивается парой фраз с помощницей, потом опять обращается к матери: – Ваш сын, возможно, в коме. Это серьезно, он может умереть.

Врач подает знак санитару, чтобы тот готовил носилки, одновременно наблюдая за реакцией матери, которую он хочет испугать, чтобы в будущем она следила за ребенком лучше.

Женщина-фельдшер отмечает про себя, что мальчик мало весит и его будет легко нести до машины, не то что того пьяного борова, свалившегося с инфарктом, которого они

отвозили в больницу часом ранее.

Мать Артура опять садится на табурет, смотрит, как эти чужие люди перекладывают тело ее сына с кровати на носилки, застегивают и затягивают ремни, дают ей подписать на планшете какой-то документ, что-то говорят ей, ждут от нее ответа и, не дождавшись, уходят. Пустая кровать, скомканное покрывало, следы от уличной обуви на полу. Головная боль и желание вновь напиться.

3

– Жестко сопляк обдолбался, да? – хохотнув, говорит санитар. Про себя он думает, что и ему самому нужно быть осторожнее с новыми наркотиками. Ублюдки-барыги продают черт знает что, им насрать на госпрограмму «Здоровье молодежи». Качество падает, цены растут.

Пропуская его слова мимо ушей, врач проверяет, плотно ли прижата кислородная маска. Он вспоминает постаревшее лицо жены, что-то новое, появившееся в её глазах после того, как она, наконец, осознала, что у них никогда не будет детей. К своему удивлению, врач испытывает нечто вроде отеческого чувства к этому юнцу, но оно быстро исчезает и он не успевает его просмаковать. Словно улавливая его мысли, женщина-фельдшер произносит с искренней жалостью в голосе, придавая сцене мелодраматизма:

– Бедный мальчик. Мать даже не поехала с ним в больницу. Я не понимаю, как так можно, – она протыкает кожу и оболочку вены Артура толстой иглой от капельницы, холод раствора бежит по руслу его руки.

– Ты взяла его карту? – подняв брови так, что по лбу идут глубокие морщины, спрашивает врач. Он имеет в виду электронную карту идентификации личности – кусок пластика с чипом, по которому можно узнать о человеке почти все. Женщина чертыхается, жалость на её лице сменяется раз-

дражением. Она мало спит, много работает, часто берет ночные дежурства. Всё из-за подружки, с которой она живет и в которую так влюблена, что готова жертвовать собой ради нее.

– Сейчас схожу, – усталый голос, несколько грубых ругательств, произнесенных беззвучно, одними губами: кажется, она прокликает мать мальчика, его самого и свою горькую судьбу.

– Не можешь запомнить простые вещи! – Врач чувствует, как накопившиеся раздражение и усталость прорываются из него вовне, заставляя говорить не так медленно и спокойно, как обычно, но он все равно не может избавиться от ощущения своей искусственности, фальшивости эмоций, даже таких мелких, как эти. Это не гнев, это брюзжание. Жизнь блекнет, отупляет однообразием.

Его помощница-лесбиянка выпрыгивает из машины и идет обратно к дому. Врач смотрит ей вслед, потом на наручные часы, зеваает. Возвращается мыслями к жене, думает, не стоит ли первому подать на развод.

– Куда мы его повезем? В токсикологическое отделение сороковой? Там нормальная столовая, можно зайти поесть, а то я с утра не успел – санитар после ночи, проведенной со студенткой из медицинской академии, не услышал будильник, проспал, и, чтобы не опоздать на утреннюю смену, не стал завтракать – теперь из его желудка то и дело доносится утробное урчание. Но он бодр и полон сил, в отличие от

КОЛЛЕГ.

4

В приемном покое у регистрационной стойки токсикологического отделения миловидная медсестра берет идентификационную карту Артура и вставляет её в карт-ридер. На экране перед её глазами появляется красное окно с предупреждением об отсутствии медицинской страховки. Не меняя положения головы, она переводит взгляд на врача скорой помощи и смотрит на него исподлобья:

– У него нет страховки, – невозмутимо, но с легкой угрозой говорит она.

– И что? – грубо отвечает врач. Ему не хочется ехать в другую больницу, и он готов на многое, чтобы у него приняли пациента здесь.

– Вы же знаете, по закону мы сможем продержать его тут не более двух дней. Потом его перенаправят в одну из больниц для граждан без страховки. Может быть, избавите нас от заполнения кучи документов и сразу отвезете его в один из православных госпиталей? – она подкрепляет просьбу милой улыбкой, с помощью которой ей так легко манипулировать мужчинами.

– А мне-то что? – говорит врач, думая о сытном обеде в столовой и не обращая внимания на уловки медсестры (она не в его вкусе). – Оформляйте его, а там делайте, что хотите. У вас хоть нормальная диагностика есть. Бог знает, какой

наркотой он отравился и что у него с мозгом. – В конце он тоже растягивает губы в ухмылке и добавляет: – Вы же не хотите, чтобы он стал овощем из-за вашей лени?

Медсестра фыркает и начинает набирать что-то на клавиатуре. Через несколько минут, сдав пациента, врач идет по длинному коридору в столовую, чтобы взять там большую тарелку горячего борща, говяжий язык с пюре и кусок сладкого пирога с чаем. Чем ближе он подходит к дверям столовой, тем лучше становится его настроение. Наконец, он распахивает их навстречу запахам еды и гулу людских голосов.

Заведующий отделением, холеный высокий мужчина с проседью в густых, идеально подстриженных и уложенных волосах, похожий на адвоката из мыльной оперы прошлого века, с недоумением смотрит на распростертого на носилках пациента – шестнадцатилетнего мальчика без медицинской страховки, потом переводит взгляд на медсестру из регистратуры.

– Ты на кой хрен его приняла? – раздражение, самолюбование, власть. Этим искажено его лицо. – Они не должны были везти его к нам! – говорит он строгим, не терпящим возражений голосом, заставляя молодую женщину трепетать, чувствовать свою слабость – Надо было послать их к чертям, в госпиталь Саровского!

– Да, но по закону мы можем его продержать два дня... – мямлит медсестра, – У него что-то с мозгом.

– Мы? Можем? Ты смеешься что ли? – он действительно зол, это дает ему энергии, и он быстро входит в роль циничного мерзавца, одну из своих любимых, – С мозгом что-то у тебя! Ты еще не занесла его в нашу базу данных?

– Занесла...

– Твою мать, – в сердцах произносит заведующий, поворачивается и, уже идя по коридору, добавляет, достаточно громко, чтобы она услышала: – Пусть осмотрят его и попы-

таются привести в себя, а ты готовь документы для передачи в госпиталь.

«Парень просто так не очнется. Я таких пациентов за версту чую. Сплошной геморрой. Сбыть его с рук, сдать в Саровского. С Божьей помощью его там вылечат. Звякну их главврачу, пусть возьятся, с ними-то проблем не будет, примут с распростертыми объятиями. Проблемы вечно с этой молодой душой, не помню, как ее зовут. Память ни к черту. Но внешне она ничего, нужно пригласить ее пообедать вместе, загладить вину. Предложить подвести домой вечером. Знаешь, у меня столько ответственности, столько стрессов. Иногда становится невозможно держать себя в руках, но я не хотел тебя обидеть».

Он заходит в свой кабинет, опускается в мягкое кожаное кресло, потягивается, смотрит на экран монитора, потом на фотографию жены с детьми. Берет трубку телефона и звонит главврачу госпиталя им. Серафима Саровского, своему давнему, еще со студенческих времен, другу.

6

В палату заходит лечащий врач, молодой, совсем недавно закончивший интернатуру. Из рта Артура торчат гофрированные трубки, подключенные к аппарату искусственной вентиляции легких, в вену на его руке воткнута игла катетера: тонкая пластиковая трубка тянется от него к подвешенному на стойке полупустому пакету с раствором лекарств.

– Так, что у нас тут, – нудным голосом отличника бормочет себе под нос врач, берет карточку с информацией от бригады скорой помощи, читает вслух: – «Утрата сознания с частичным сохранением рефлексов: реакция зрачков на свет резко ослаблена, зрачки сужены; роговичный и глоточный рефлексы сохранены, кожные – отсутствуют», хм-хм. *Sopor? Coma?*

Врач подходит к пациенту и сильно щипает его, чуть ниже левого соска, но тот не приходит в сознание. Тогда вместе с медсестрой он проводит тесты, оценивая работоспособность мозга по его реакциям: закрывает веки на глазах пациента, потом громко произносит несколько фраз – веки остаются сомкнутыми; берет у медсестры иглу, распаковывает ее, пронзает кожу над грудиной – глаза открываются. С силой сжимает ногтевое ложе на указательном пальце правой руки Артура – рука слегка сгибается в локте. Осторожно ощупывает шею, убеждаясь, что она не повреждена и сохранила

гибкость, потом берет голову в ладони и поворачивает ее из стороны в сторону – глазные яблоки синхронно двигаются, сохраняя вертикальное направление взгляда. Врач смотрит на зрачки, оценивая их размер, потом достает из нагрудного кармана маленький фонарик и по очереди светит в глаза Артура. Зрачки, и без того похожие на точки, еще чуть-чуть сужаются, правый немного сильнее.

– Дай мне ваты, проверим роговичный рефлекс, – говорит он медсестре и та с готовностью извлекает из кармана упаковку хирургической ваты, отрывает от мотка синтетических волокон небольшой клочок, протягивает его врачу.

Скрутив вату в жгутик, врач медленно опускает его кончик к глазу Артура, пока он не коснется роговицы. Глаз моргает.

Сосчитав в уме баллы, врач делает вывод, что пациент находится в умеренной коме, вызванной сбоем в работе коры головного мозга. Он смотрит на результаты анализов крови и мочи. С чего они решили, что его нужно направить в токсикологическое отделение? Ничего, кроме алкоголя и алкалоидов конопли, да и то в безобидной концентрации, у больного не обнаружено. Хотя, не все современные наркотики определяются стандартными медицинскими тестами. Врач жестом дает понять медсестре, что они закончили осмотр, и теперь она может идти. Тихое пиликанье датчика ЭКГ, шум поршня искусственной вентиляции легких, прикроватный монитор с множеством красочных графиков и цифр. Какое-то время

врач сидит рядом с кроватью, размышляя о возможном диагнозе, потом решает глянуть на глазное дно пациента, проверить, нет ли там отека дисков зрительного нерва или кровоизлияний.

– Того парня в коме еще не забрали? – спрашивает заведующий на следующий день, – За ним должны приехать из госпиталя...

– Нет, а что, у него что-то со страховкой? – отвечает лечащий врач Артура, – я ему назначил МРТ, скоро будут результаты. Думаю, кома вызвана не наркотиками.

– У него нет страховки, – говорит заведующий, – Его мать в последние десять лет не имела официального трудоустройства. Оказываем ему только неотложную помощь, чтобы он не умер, а лечить его будут в Саровского.

– Понятно, но в коматозном состоянии с неясной причиной МРТ обязательно. Да ведь?

– Да, – кивает заведующий, его лицо мрачнеет, – Но ты мог оставить в силе предварительный диагноз – наркотическое отравление. МРТ не дешевая услуга, а мы не занимаемся благотворительностью.

Заведующий смотрит на молодого, еще не опытного врача с немым вопросом, как бы говоря всеми мышцами лица «Ты меня понял?» и тот виновато опускает взгляд долу, отвечая таким образом начальнику «Да». Заведующий раньше не замечал, какие длинные у его нового работника ресницы.

8

Массивное кольцо томографа источает бледно синий свет, оно похоже на портал в иной мир. Белая комната, гудение трансформаторов. Тело Артура кладут на подвижной стол, макушкой к магниту, так, что его голова оказывается чуть приподнятой на пластиковом лотке с жёлобом для затылка. Стройная молодая медсестра надевает ему на голову, чтобы зафиксировать ее в правильном положении, специальную маску-каркас с отверстиями для глаз и носа, вставляя ее в пазы в столешнице и закрывая на замок. Его голова теперь заключена в некое подобие клетки, похожей на череп экзоскелета или на квадратный шлем робота-трансформера из японских мультфильмов для детей. Все готово. Стол с автоматическим приводом плавно поднимает Артура вверх, затем заезжает внутрь цилиндра, пока голова не окажется в его центре. С легким щелчком реле катушки томографа включаются, получая необходимую энергию и генерируя мощное магнитное поле – его волны омывают голову Артура со всех сторон. Врач МРТ, сидя за стенкой, управляет томографом, попеременно фокусируя его на разных структурных зонах головного мозга и заставляя компьютер формировать все более детальные трехмерные модели. Довольно быстро врач находит патологию и начинает ее описывать, мыча себе под нос мелодию *La donna e mobile* из «Риголетто».

Лечащий врач смотрит результаты МРТ Артура: на распечатанной картинке отчетливо видна опухоль в районе левого полушария и три ветви метастаз. В Православном госпитале, скорее всего, у этого пациента не будет шансов. Он выходит из ординаторской, идет по коридору к кабинету заведующего, чтобы поговорить с ним и попытаться убедить прооперировать мальчика в их больнице, современной, с хорошим нейрохирургическим отделением. Уже придумав в уме речь со ссылками на законы и возможность толкования некоторых неясных мест в них в пользу пациента, он распахивает дверь в кабинет заведующего. Тот выглядывает из-за алюминиевого корпуса большого монитора, потом, оттолкнувшись ногой, немного откатывается на кресле в сторону, чтобы было удобнее говорить.

– Я посмотрел МРТ, у того парня новообразование, нужно срочно переводить его в нейрохирургию... – начинает свою речь врач, но заведующий перебивает его:

– Этого пациента уже увезли из нашей больницы. Если хочешь сделать доброе дело, можешь послать результаты МРТ следом за ним. Его будут оперировать в православном госпитале. Если будут. – Лицо заведующего озаряется ехидной улыбкой: – На всё воля божья, ведь так?

Молодой врач натужно улыбается, показывая, что оценил

черный юмор начальника, бормочет себе под нос: «Да, конечно. Я понял...», кивает, извиняется и выходит из кабинета, осторожно закрывая за собой дверь.

Во время перевозки в старой, плохо оборудованной машине скорой помощи, состояние Артура ухудшается. Его давление падает, дыхание сбивается и фельдшерам, двум молодым мужчинам славянской внешности, приходится попотеть, чтобы он не умер на полпути к госпиталю. Один из них впрыскивает пациенту в вену необходимые медикаменты, другой вентилируют легкие, мерно сжимая и отпуская правой рукой упругий дыхательный мешок Амбу. Эти меры помогают, и им удается, преодолев несколько дорожных пробок, довести его до пункта назначения живым. Старое здание, облупившаяся штукатурка, ржавые сточные трубы с выбитыми суставами.

Они вытаскивают носилки и спешно заносят Артура в двери приемного покоя госпиталя, где их встречает санитар реанимации родом из Чечни, их ровесник. Они довольно дружны и иногда вместе ходят в расположенные поблизости бары и другие заведения, чтобы подцепить девиц на ночь. Из них троих он самый искушенный. Они здороваются, перешучиваются, вспоминая последнюю попойку, потом, пожелав друг другу удачи, расходятся по своим делам.

02 Квест

1

Мягкий влажный мох под ногами. Мертвый лес, покрытые черной плесенью стволы. Здание торгового центра вдалеке, реклама на его крыше со словами, составленными из гигантских разноцветных букв: «Радуга парк... Рай есть... Он рядом...». Он часто бывает в этом центре на окраине города, но он никогда не видел его с такого необычного ракурса. Блеклый свет из-за туч, затянувших все небо. Застывшее колесо обзора, справа от него – две пологих горы, выглядывающих одна из-за другой. Артур постепенно приходит в себя. Не понятно, сколько сейчас времени – еще утро и не до конца рассвело или уже вечерет. Он пытается сделать шаг, но спотыкается о болотную кочку и падает на четвереньки. Сгустки тумана медленно расползаются от него в разные стороны, паря в нескольких сантиметрах над влажной землей, обволакивая кочки, струясь по их травянистым краям. Он чувствует, как в ступню тычется чья-то мокрая подвижная морда, обнюхивая его, щекоча усами. Обернувшись, он встречается взглядом с внушительных размеров крысой: та улыбается, оголяя острые мелкие зубы и качая головой то влево, то вправо. Она разглядывает его под разными угла-

ми, гипнотизируя мерными движениями, блеском глаз. Артур резко вскакивает на ноги и крыса, испугавшись, бежит вперед, прочь от нервного юнца.

Артур осматривается. Позади него лес: покосившиеся деревья лишены листьев, некоторые совсем завалились на бок, показывая отравленные болотом корни, которые торчат над землей, словно гигантская черная паутина. Он замечает, что вслед за первой, по земле бегут, подволакивая задние лапы, еще несколько крыс: их вытянутые тела юрко огибают кочки, розовые хвосты скользят по мху и сгнившей траве. Слева от него, метрах в пятистах, виднеется неправдоподобно высокая насыпь, похоже, это шоссе или железнодорожная ветка – с такого большого расстояния ему сложно разглядеть, едут ли там машины, но поезд по ней точно не идет, он бы его заметил даже отсюда. Возможно, эта дорога заброшена, так как он не слышит никакого шума с той стороны. Ему представляется ржавчина на рельсах, растрескавшийся асфальт. Раньше он жил на окраине города, и одно из приключений его раннего детства – прогулка по заброшенной железной дороге, вдоль старых промышленных зданий, опустевших складов, до финальной свалки отходов, заполнившей собой пространство до горизонта. Искаженные пропорции, сбившееся с ритма время. Металлический привкус во рту, легкая изжога, выступивший между лопатками пот.

Он решает идти прямо, в сторону торгового центра, единственного ориентира, который кажется ему знакомым. Вни-

мательно смотря под ноги, боясь напороться босой ногой на осколок пивной бутылки или консервную банку, он осторожно ступает между большими кочками, чувствуя прикосновения прохладной скользкой гнили к коже, то и дело взмахивая руками и балансируя, чтобы снова не упасть. Спустя полчаса Артур понимает, что напрямик к центру не выйти – пока он шел вперед, болотная вода становилась все глубже, вначале скрывая его ноги по щиколотки, потом по колени, и, наконец, его путь преградило озерцо, перебраться через которое можно было только вплавь.

Артур чертыхается, прикидывает, сможет ли обойти эту топь с правой стороны, и, так как лезть в стоячую кислую воду, несмотря на жару, ему не хочется, а других вариантов он не видит, он тащится в обход. Зловонный зной, словно спертое дыхание тысячи бездомных. Божественное одухотворение. Он думал, что доберется до торгового центра за пятнадцать-двадцать минут, но, по его ощущениям, прошло уже больше часа, а расстояние все еще не сократилось на сколько-нибудь заметный отрезок: буквы продолжали мерцать вдалеке, на фоне серого неба и Чертова колеса, совсем не приблизившись к нему. Никаких звуков, кроме чавканья и урчания болота, как будто переваривающего в своей утробе проглоченных жертв. Никакого движения, никаких примет жизни. Артур закрывает глаза и перед его внутренним взором проносятся несколько сценок, словно вырезанных из фильма. Крысиная возня и писк. Они, эти живучие твари,

проникают внутрь через канализационные трубы, выпрыгивая друг за другом из пересохших унитазов, и разбегаются по зданию, стуча когтистыми лапками по зеркалистому полу из глянцевой керамической плитки. Горы тухлых трупов в галереях торгового центра. Тела детей нежнее и крысы начинают трапезу с них. Артур массирует веки большим и указательным пальцами левой руки, несколько раз моргает. Ждет, когда эти образы поблекнут и исчезнут из его головы. «Чертовы наркотики, нужно быть с ними осторожнее, а не то можно – одним прекрасным днем! – очнуться в дурке в окружении бормочущих шизофреников и пускающих пузыри дебилов». Когда наваждение отпускает его, он идет дальше, думая, не мираж ли его цель и не придется ли ему вечно скитаться по этому гиблому месту, словно призраку, застрывшему в чистилище, но спустя еще полчаса, описав дугу вокруг торгового центра, он замечает грунтовую дорогу из рыжей глины, серых булыжников и рябого гравия и вздыхает с облегчением, думая, что она выведет его к живым людям.

Куски щебня врезаются острыми краями в ступни, заставляя рефлексивно морщиться от боли, но он не обращает на это внимание и даже ускоряет шаг. Дорога идет по направлению к двум большим холмам с необычной текстурой, и Артур не сразу понимает, что это огромные горы мусора и он сейчас находится на территории свалки. По мере того, как он подходит к ним, эти груды хлама закрывают собой большую часть неба. Оказавшись у их подножия, он видит, что и здесь

не сможет выйти: свалка отгорожена от пустыря перед ней, за которым начинается парковка торгового центра, трехметровым сетчатым забором с кольцами колючей проволоки наверху. Кажется, что забор уходит влево и вправо до самого горизонта, насколько видит глаз. Цинковый блеск сетки, сплетенной из сцепленных друг с другом зигзагов стальной проволоки, такой крепкой, прохладной на ощупь. Он мог бы вскарабкаться по ней, продевая пальцы рук и ног в ее ячейки, но на трехметровой высоте его бы ждали заросли металлического терновника, свернувшегося в причудливую тройную спираль. Их он не сможет преодолеть, ведь на нем нет ничего, кроме трусов. Артур подходит к сетке вплотную, не веря глазам, до последнего надеясь найти проделанную кем-нибудь дыру, но её нет – забор абсолютно новый и сделан на совесть: никаких дыр, никаких щелей, сквозь которые смог бы пролезть человек. «Никто не сможет выбраться отсюда, кроме крыс», вспоминает он строчку из популярной песни и усмехается: «Они бы ещё ток пустили по периметру, чтобы никто не спёр их мусор!».

Уловив шорох за спиной, Артур резко поворачивается, скользя ступнями по влажной илистой почве, похожей на смоченный сигаретный пепел. Старые холодильники, стиральные машины, диваны с прорванной обивкой и торчащими ржавыми пружинами... У подножия правой из двух огромных, высотой с пятиэтажное здание гор из ставшего ненужным скарба лежит куча тряпья. Вороны беззвучно ре-

ют в небе, выискивая гнилое мясо или другую испорченную еду. Приторно-сладкий запах разложения, тяжелые взмахи черных крыльев. Куча тряпья начинает шевелиться и Артур понимает, что это человек. Подернутые белесой пеленой глаза, кратеры язв по всему телу, ампутированные выше колен ноги. Артур подходит ближе, чтобы лучше рассмотреть встрепенувшегося бомжа.

Культи ног гниют, кажется, как будто он сам отпилит их прямо здесь, на свалке, ржавым зазубренным куском металлического листа, оторванного от кузова машины: раны так и не затянулись и влажно поблескивают в тусклом солнечном свете. Старик подползает на руках к Артуру, падает перед ним чуть не лицом в грязь, плачет в голос, целует ему ступни, голени, тянется, приподнявшись и подобрав под себя культи, трясущимися грязными руками к его трусам. Артур отшатывается.

– О, Господь Вседержитель! Наконец ты послал его к нам, наконец, все изменится. Ты должен объединить раздвоенный мир, должен вернуть нам наши подлинные тела! – По морщинистым щекам старика, покрытым волдырями и язвами, катятся слезы. Голова запрокинута назад, глаза устремлены ввысь. Проговорив всё это, он опять с размаху падает ниц, в ноги к Артуру – Дай я поцелую тебя, юнец! Дай насладится твоим запахом, это настоящая плоть... Я так устал от этой фальшивой оболочки, верни мне мое подлинное тело, молодость моей души... – произнося слова вначале очень гром-

ко и четко, к концу речи старик переходит на еле слышное бормотание, почти шепот.

– Е..ный старик, ты безумен! – Артур смотрит на бомжа с недоумением и ухмылкой. Привстав на руках, тот ловко садится на землю, выставив обрубки ног вперед. Он опустил серые глаза долу и уставился на ступни и голени Артура, лишь изредка позволяя себе поднять взгляд выше. Из кучи тряпья вслед за стариком выныривает крыса, бежит к нему, словно ручной зверь, останавливается у правой культы. Старик гладит ее облезшую шкуру, доставляя ей этим удовольствие: крыса прикрывает бусинки глаз, тихо попискивает.

– Тебе лучше выслушать меня, сопляк, – старик перестает гладить крысу и та вновь начинает суетливо крутить головой, обнюхивает его сморщенное грязное бедро, озираясь по сторонам. Теперь старик говорит ровным спокойным голосом.

– Ты должен сделать то, что я тебе скажу! – Артур с отвращением замечает, что крыса теперь лакает гной из культы бомжа. – Или ты спасешь себя и нас всех, или – старик проводит рукой перед собой, предлагая полюбоваться на окрестности – останешься здесь навечно, в компании живых мертвецов, крыс и тараканов.

– Е..ный безумный старик... – уже не обращаясь к нему, повторяет ругательство Артур и делает ещё один шаг назад. – Какого хера я тут делаю...

Он чувствует, как кровь в его голове начинает пульсировать всё сильнее: его левый висок пронзают стальные иг-

лы боли, он морщится, дыхание сбивается с ритма. Старик ползет следом, скользя в илистой грязи обрубками ног, пристально смотрит в лицо Артура, ловит его взгляд и, когда их глаза встречаются, растягивает рот в довольной улыбке.

– Слушай меня, у тебя нет другого выбора. Лучше слушай меня. Ты должен пройти сквозь город, должен найти выход, когда ты пройдешь сквозь него, огненный свет поглотит тебя и этот мир обретет завершенность. Ты должен его найти, юнец, ты должен. – Старик опять начинает плакать, продолжая бормотать как одержимый. Артур отворачивается от него и уходит, решив, что лучше вернуться назад, к болотному озерцу. Переплыть его не такая уж и сложная задача.

2

По пути назад, Артур вспоминает, что, прежде чем оказаться на территории свалки, он не проходил через ворота, и, следовательно, забор не огораживает свалку с левой стороны, там, где распростерлось болото. Решив сократить обратный путь, он идет влево вдоль линии забора и минут через двадцать замечает, что земля под ногами становится все более влажной, постепенно переходя в болотистую податливую почву. Каждая следующая секция забора становится чуть ниже, уходя под небольшим углом во влажное раскисшее нутро земли. Он испытывает прилив дурноты, когда, наконец, осознает масштаб поглощения: новый трехметровый забор, продолжая блестеть оцинкованной проволокой, постепенно исчезает под землей так, что еще через пятьсот метров от него на поверхности остается только спираль колючей проволоки, зацепившаяся шипами за лохматые пожухлые кочки, но и она, несмотря на своё сопротивление, через несколько десятков метров вынуждена исчезнуть в трясине. Артур представляет, как болото сделало это, возможно, всего лишь за одну ночь, и он испытывает благоговейный страх. Громкий рокот болотной утробы. Высоченный забор, пронзительно позвякивая и скрипя так, словно просит о помощи, о сохранении порядка, стремительно погружается в топь, слабо светясь в последних лучах закатившегося солн-

ца. Ветхозаветный бож, его иступленное в отчаянии лицо, его безумные пророчества... Мурашки начинают роиться у Артура между лопаток, переползают на шею, опоясывают голову, волнами прокатываясь по ней, словно перед оргазмом – он вдруг понимает, насколько серьезно он влип.

Наконец добравшись до той точки, где он решил свернуть направо, Артур останавливается в нерешительности. Озерцо болотной воды, стоячей, затхлой, его зеркальная гладь, по которой снуют – туда-сюда, туда-сюда – крупные клопы-водомерки. Глубины должно быть достаточно, чтобы он смог плыть, но он боится, что зацепится ногой или причиндалами за колючую проволоку, ведь забор, вполне возможно, ограживает не свалку, а торговый центр. Тогда он повернул вместе с Артуром налево, и все ещё не кончился – он лишь скрыт мутной илистой жижей. Из леса за его спиной доносится треск упавшего дерева – его ветви ломаются, цепляясь за соседние, еще наполовину живые деревья и выбрасывая в воздух темные облака из мириадов болезнетворных спор. Артур несколько секунд смотрит на лес и ему начинает казаться, что дерево уронило некое огромное невидимое существо, которое пробирается через чащу в его сторону. Деревья стонут, кричат, когда оно отодвигает их в спешке: треск и скрипы приближаются и Артур, с трудом заставив себя отвернуться, делает шаг вперед, потом еще один, теплая вода покрывает его голени, бедра и, когда она доходит почти до подмышек, он пускается в плавь. Расстояние до другого бе-

рега казалось небольшим, и он рассчитывал преодолеть его в несколько взмахов рук, но вода, а возможно и само пространство тут словно обладают неприятной вязкостью: он гребет, все больше уставая, но никак не может доплыть до середины. Сердце колотится в его груди все сильнее, дыхание начинает сбиваться. Чтобы успокоиться и отдышаться, он переворачивается на спину и почти перестает работать ногами. В начальной школе, когда их учили плавать на уроках физкультуры, он и другие дети делали «звездочки»: ложились на поверхность воды лицом вверх с распростертыми в стороны руками и ногами. Вода закрывала его уши, заставляя исчезнуть голоса и другой шум, и он чувствовал себя почти полностью изолированным от жизни. Умиротворение, желание раствориться в пустоте. Он закрывает глаза, расслабляет мышцы, дыхание выравнивается, становится глубже и размереннее. «На самом деле я сейчас совсем в другом месте, мне просто нужно проснуться». Его голова упирается во что-то мягкое, и он не сразу осознает, что это не его старая, пропахнувшая потом подушка. Открыв глаза, и повернув голову вбок, он видит, что уперся макушкой в травянистый комок болотной кочки. Хоть он и не оказался в кровати у себя дома, он, по крайней мере, доплыл до берега.

Перевернувшись и опершись рукой на кочку, которая под его весом глубже погрузилась в воду, Артур вылезает на заболоченный берег и уже начинает шлепать в сторону заасфальтированной автостоянки, как вдруг замечает чер-

ные продолговатые сгустки слизкой кольчатой плоти, тут и там облепившие его кожу. Панический страх, смешанный с омерзением, охватывает Артура, и он чувствует сильный приступ тошноты. Огромные пиявки, по пять-семь сантиметров в длину, присосались к нему и прямо сейчас насыщают желудки его кровью. Дрожа всем телом, он начинает срывать их одну за другой, хватаясь непослушными мокрыми пальцами за скользкие мускулистые тельца и отшвыривая их подальше от себя. Изощренно разрезанная хитиновыми иглами кожа сочится кровью, и Артур чувствует пощипывание, а затем и саднящую боль, которая становится все сильнее по мере того, как впрыснутая в него дрянь перестает действовать. Закончив с животом, грудью, руками и ногами, он закидывает руки за спину и отцепляет еще пару штук. И тут ему приходит в голову, что он забыл проверить еще одно место – пах. Он сдергивает с себя трусы и видит целый выводок разбухших от его крови тварей. Одна из них висит прямо на его члене, передней присоской держась за крайнюю плоть, а задней, более мощной, впившись прямо в головку. Прodeв пальцы под ее брюшко, он резко дергает, вскрикивая больше от гадливости, чем от боли. Затем, одной рукой оттягивая мошонку, убирает ещё трех из-под яиц. Осталось совсем немного, успокаивает он себя – несколько штук на внутренней стороне бедер и одна, запутавшаяся в волосах на лобке.

3

Избавившись от всех пиявок, проклиная их, болото и весь чёртов мир, Артур идет быстрым шагом к автопарковке торгового центра, совершенно пустой, безлюдной. Он как мог отжал воду из трусов, надел их обратно – влажная ткань неприятно скользит по его коже, льнет к нему, словно медуза. С каждым шагом почва под ногами становится тверже и суше, и он уже предвкушает, как почувствует под ступнями асфальт, символ отвоєванных у природы пространств. Сегодня будний день, рабочее время, и, конечно, машин и людей должно быть не так много, как по вечерам и в выходные, но чтобы их не было вообще – это довольно странно. Надпись на стене, нанесенная черной краской, корявые буквы с подтёками: NO JUSTICE, NO PEACE – FUCK THE POLICE! Артур затравленно озирается, гоня прочь плохие предчувствия и моля Бога, чтобы он избавил его от этого морока. Оказавшись на заасфальтированном тротуаре, Артур обращает внимание на множество трещин, чьи ветви изукрасили поверхность дороги, превратив её в абстрактный шедевр, потом на тонкие бледные травинки, пробившиеся к свету через щебень и асфальт. Как давно здесь не было машин, как давно и почему люди перестали ездить сюда за покупками?

Он слышит шорох сдавливаемой колёсами пыли и через мгновение замечает огромный черный внедорожник, кото-

рый медленно выезжает из заполненного тенями пространства под зданием. Поначалу кажется, что это ожил и движется сгусток темноты, но когда он выныривает под лучи полуденного солнца, Артур испытывает облегчение – по направлению к нему едет тонированный Cadillac Escalade, и, кем бы ни был его водитель и возможные пассажиры, это должны быть живые люди, а именно общения с ними так жаждет Артур. Забыв о предосторожностях и о своем внешнем виде, он машет руками, привлекая внимание водителя к себе. Поравнявшись с ним, внедорожник останавливается, несколько секунд ничего не происходит. Артуру кажется, что прошла целая вечность, и он уже думает, не было ли ошибкой связываться с незнакомцами, когда окно с пассажирской стороны начинает ползти вниз. Тихое жужжание, открывшаяся взгляду кабина. Не веря глазам, Артур делает шаг к машине, чтобы лучше рассмотреть водительское кресло – в нем никого нет, и оно и пассажирское место рядом с ним – пусты. «Чертовы призраки», думает Артур, и страх искажает его молодое, почти детское лицо.

– Он принял нас за привидения! – раздается гнусавый голос из полумрака салона, – Вы только посмотрите на него, он сейчас обосрется от страха!

Сказавший это парень начинает довольно мерзко хихикать и к нему присоединяются еще несколько голосов: басовитое утробное хо-хо-хо, женские смешки с придыханием, чьё-то нарочито серьезное: «Хм, а ведь он прав!». Вглядыва-

ьясь в глубину автомобиля, Артур различает четыре человеческих силуэта. Дыхание холода и свежести от кондиционера смешивается с затхлым запахом старого пота и свернувшейся крови. Единственный источник света внутри – сенсорный экран под рукой одного из парней: мертвенно бледный свет подсвечивает его лицо снизу, делая его похожим на покойника. Улыбка застыла на его губах, пальцы правой руки что-то нажимают на пульте управления.

– Ты че, никогда не видел машины на автопилоте? – спрашивает он, и его голос доносится до Артура, словно со дна пещеры.

– Видел, но... – Артур раздумывает, не пуститься ли наутёк, прочь от этой странной компании.

Парень с гнусавым голосом, по-видимому, хозяин авто, прикасается указательным пальцем, таким длинным, костлявым, к пульту управления и в салоне загорается яркий свет, превращая тени во вполне реальных, из плоти и крови, людей. Кресла установлены так, что пассажиры сидят лицом друг к другу, словно в уютном кафе и, хотя с того места, где он стоит, видно плохо, кроме хозяина Артуру удается рассмотреть и его попутчиков: затылок коротко обритой головы и толстую шею парня, который сидит к кабине водителя спиной, девочку с длинными волосами на заднем сидении и спортивное мускулистое тело парня в синих тренировочных трусах и майке с номером 69 справа от неё. Потом парень с гнусавым голосом что-то бормочет друзьям, встает и,

распахнув дверцу напротив, выпрыгивает наружу – Артур не успевает двинуться с места, как тот оказывается рядом с ним на улице. Парень старше его, но не намного, ему лет семнадцать, максимум двадцать. Он кладет худую руку Артуру на плечо, смотрит на него с нескрываемым интересом и Артур чувствует себя редким насекомым, попавшим в сачок энтомолога.

– Как ты тут оказался, малыш? И как тебя зовут? – Артур невольно отстраняется, сбрасывая с плеча руку и вызывая этим улыбку у парня. Из открытой двери внедорожника на них пристально смотрят остальные пассажиры – толстяк с угрями на щеках, спортивного вида блондин, стройная девочка в белой хлопковой майке и шортах. Её длинные русые волосы прикрывают щёки по бокам, большие зеленоватые глаза, кажется, смотрят на Артура с состраданием.

– Не бойся нас, мы друзья... – шепотом говорит парень, стараясь, чтобы его слова звучали искренне, и делает шаг в сторону Артура, – Меня зовут Виктор, а тебя?

Артур продолжает молчать, переводя взгляд с болезненно худого лица Виктора на людей в салоне и обратно. Виктор поднимает брови, округлив выгоревшие карие глаза:

– Если ты будешь и дальше строить из себя целку, мы просто уедем и оставим тебя здесь! Как ты выберешься отсюда? На поезде-призраке?

Приступ раздражения быстро проходит, и Виктор опять начинает дружелюбно улыбаться, но Артур, кажется, слегка

опешил.

– Не бойся, он выглядит как псих, но он не опасен... – голос девочки кажется таким знакомым, он заставляет пробежать мурашки по спине Артура, – Это все из-за кокса и алкоголя.

– Меня зовут Артур, – Виктор выдыхает с облегчением и протягивает ему руку, Артур жмет ее. Ладонь Виктора прохладная и сухая, и Артур думает, не поморщится ли его новый друг от прикосновения к его влажной от пота коже, но тот, если и замечает это, то вида не подаёт.

– А ты мне нравишься... Так как ты тут очутился?

– Не знаю, я лег спать дома, принял немного колес... – Дружный хохот заставляет его остановиться.

– Торчок торчка видит издалека! Давай прыгнем в машину и уберемся из этого чертова места, – Виктор опять кладет руку ему на плечо и подталкивает его к открытой двери, – Ты ведь не против?

Артур качает головой и залезает в просторный салон.

Тихий низкочастотный рокот мощного двигателя. Сидения расположены буквой П, Артур садится напротив девочки, в правом верхнем углу от двери, залезший следом Виктор занимает место у пульта, как бы во главе стола: по его левую руку – Артур, по правую – девочка Кира. В подлокотниках кресел торчат полупустые бутылки с пивом. Баскетболист отхлебывает из своей и, еще не успев проглотить прохладную влагу, ароматную, игристую, с горьким послевкусием, задает Артуру немой вопрос, показывая пальцем на бутылку, приподнимая брови и одновременно наклоняя голову вниз: «Будешь?». Артур кивает в ответ, прикрывая глаза и испытывая чувство благодарности к попутчику – тот подает знак свободной рукой сидящему напротив него толстяку. Толстяк тянется вбок и открывает дверцу мини-бара, который встроен в кресло как раз между ним и Артуром и набит в основном бутылками пива разных марок и сортов. Артур выбирает мексиканское: стекло холодит его ладонь, покрывается испариной. Крутанув металлическую крышку и поискав глазами, куда ее можно выбросить, он делает глоток, вытирает губы предплечьем левой руки, улыбается. Крышка остается зажатой в ладони.

– Кира, двигай сюда, надо решить, куда ехать, – говорит Виктор и она послушно пододвигается вплотную к нему, так,

что ее длинные голые ноги соприкасаются с его черными джинсами. Тот закидывает руку ей за спину и обнимает за талию, сцепляя правую кисть с левой на ее бедре, еще сильнее прижимая её тело к своему, потом косится на Артура:

– У тебя есть подружка? Мы могли бы заехать за ней. – Но Артур только опять качает головой и отводит взгляд в сторону. Толстяк и блондин в баскетбольной форме переглядываются, и толстяк решает сменить тему:

– Было бы неплохо заехать в ресторан пожрать, – он говорит медленно, его слова на фоне гнусавых фраз Виктора кажутся такими весомыми, – Или я один ещё испытываю эту естественную потребность?

Кира озаряется улыбкой:

– Нет, Игорь, не один. Я тоже хочу есть!

– Да, хорошая идея, но в ресторан не пускают в трусах, тем более в таких грязных. Что это, кровь? Тебя что ли изнасиловали и бросили в лесу? – Не понятно, насколько Виктор серьезен, когда задает последний вопрос, но в его голосе слышится издевка. Все опять смотрят на Артура, на его грязные ноги, на влажные, запачканные илом и кровью трусы, на свалявшиеся в патлы волосы на голове. Они, в том числе Кира, вот-вот засмеются над ним. Артур вспыхивает так, словно учительница прочитала перед классом его записку с признанием в любви, адресованную красавице-однокласснице.

– Нет, мне пришлось пробираться через болото. Кровь из-за укусов пиявок. – Толстяк с важным видом кивает его сло-

вам, как бы говоря: «Да, я тебе верю». Кира переводит взгляд с Артура на баскетболиста:

– Так-то мы все не при параде, да, Олег? – тот смотрит с удивлением на свои синие тренировочные трусы, потом с кривой улыбкой кивает ей в ответ. – Может купим одежды, а потом сразу поедem к мадам де Ла Вернь?

И толстяк Игорь, и баскетболист Олег, и Виктор по очереди переглядываются друг с другом, затем начинают улыбаться, словно Кира предугадала ход их собственных мыслей.

– Ладно, заметано, – говорит Виктор и, освободив левую руку, выбирает на трехмерной карте пункт назначения. Рокот двигателя усиливается и внедорожник плавно трогается с места.

Выехав с территории заброшенного торгового центра, внедорожник пронесется по автомобильному тоннелю под насыпью, и, оказавшись с другой стороны, сворачивает налево и едет по пустой развязке вверх, пока не оказывается на шестиполосном скоростном шоссе. Автопилот набирает внушительную скорость, но из хорошо изолированного салона её сложно почувствовать.

– Ты точно ничего не помнишь? – спрашивая, Виктор смотрит на монитор, и Артур пользуется этим, чтобы продолжить разглядывать лицо девочки.

– Нет, но мне кажется, я был в этом торговом центре две-три недели назад и он работал...

– Ты рехнулся, его закрыли почти сразу после теракта! Помнишь, какой-то парень расстрелял кучу народу два или три года назад? Не помнишь!? – Виктор отрывается от экрана и смотрит на Артура, проверяя, не шутит ли тот. Артур опускает глаза в пол, качает головой.

Кира сдвигается обратно на свое место и начинает перешептываться о чем-то с Олегом. Их полуголые молодые тела созданы друг для друга: высокие, спортивные, словно модели из глянцевого журнала для подростков, которые всегда так нравились Артуру и часто заставляли его почувствовать возбуждение. Письма читателей, с рассказами об их первом

сексе и о страданиях от неудовлетворенной любви, реклама презервативов с силуэтами тел, соединенных в объятии, советы для мальчиков, что нужно сделать, чтобы не кончить слишком быстро... Артуру кажется, что Кира и Олег вот-вот стянут с себя шорты и начнут совокупляться прямо на глазах у остальных. Как бы подыгрывая его фантазии, Олег кладет руку на внутреннюю сторону бедра Киры и начинает поглаживать её, ребром ладони задевая промежность. Кира немного сползает по кожаному креслу вниз, чтобы было удобнее, и встречается взглядом с Артуром, заставляя прилить кровь к его щекам и гениталиям. Легко догадавшись, какой гипнотический эффект на него оказывает, она подначивает его мысли улыбкой, прежде чем отвернуться к Олегу и начать целовать его жилистую загоревшую шею.

Виктор иногда бросает на них взгляд и одобрительно ухмыляется, но в основном его внимание сосредоточено на просмотре ролика, снятого на видеореги­стратор: черный внедорожник, той же модели что и авто Виктора, несется по мокрой от сильного ливня трассе. Видно, как крупные капли разбиваются о лаковую поверхность асфальта, сквозь облака брызг из-под колес машин с трудом можно разглядеть габаритные огни. Внедорожник начинает заносить, когда он обгоняет микроавтобус – похоже, водитель кадиллака сделал какую-то глупость. Он ударяется о бок микроавтобуса и отскакивает от него на встречную полосу, где почти сразу происходит лобовое столкновение с огромным тягачом: грузо-

вик врезается во внедорожник с такой силой, что трехтонный кузов кадиллака в одно мгновение разлетается на мелкие осколки, словно он был сделан из хрусталя. Прицеп тягача из-за резкого торможения насккивает на кабину, но сторбившийся грузовик продолжает двигаться вперед, тогда как внедорожник, кажется, просто рассыпался в воздухе в прах. На последних кадрах видно, как микроавтобус съезжает в кювет и заваливается набок. Стеклоанное здание вдальке, почти у линии горизонта, отражает лучи заката, светясь, словно гигантский золотой слиток. Видимо, на западе небо уже очистилось от туч. В машине, из которой снято видео, играет кака-я-то старая дурацкая песенка:

Ты сейчас далеко

Столько дней или лет

Ты сейчас далеко – дождь стучит мне в окно

Это осень смывает твой след

Мальчик мой, музыка дождя

Скажет мне, что с тобой

Мальчик мой, вспоминай меня

Вспоминай, мальчик мой

Ночь придет и звезду

Ты увидишь во сне

Мальчик мой, погрусти. Может эта печаль

Мое сердце откроет тебе...

Стеклоочистители мерно смахивают крупные капли дождя: тугой скрип резиновых щёток, ручейки воды.

Город одновременно похож на тот, в котором он вырос – те же серые, покрытые копотью, улицы, те же яркие рекламные вывески банков и аптек, но в то же время что-то изменилось. Артур смотрит в тонированное окно, которое делает все цвета блеклыми, приглушая и без того слабый солнечный свет: дома проносятся мимо, кажется, они стали больше, словно кто-то исказил привычные пропорции, а их окна ослепли. Кира положила голову на колени Олегу и тот гладит ее волосы. Гостевой дом мадам де Ла Вернь, помпезное, в стиле сталинского классицизма, семиэтажное здание в историческом центре города, элитный бордель. Лихо подрулив к нему, кадиллак останавливается. Наклонив сенсорный экран плашмя, Виктор высыпает из пакетика чуток кокаина, и занюхивает его через небольшую трубку из слоновой кости, изукрашенную причудливой резьбой. Затем, вытерев нос тыльной стороной ладони, широко улыбается, как бы спрашивая: «Ну, вы готовы?».

Перед тем как пойти обедать, они заходят в магазин с одеждой, чьи роскошные витрины с застывшими в изысканных позах манекенами занимают половину первого этажа здания де Ла Вернь. На входе их встречает метиска с необычной прической и огромными карими глазами, такими глубокими, внимательными. Ростом с баскетболиста Олега, или

даже чуть выше, она смотрит на Артура сверху вниз – тот едва достаёт ей до груди. Несмотря на свой рост, широкие бёдра и плечи, её походка грациозна, в каждом её движении или жесте чувствуется её порода и превосходство, необычное сочетание силы и женственности. Кира видит, что продавщица с лёгкостью завладевает вниманием парней, и слегка морщится, когда та здоровается с ними. Олег расплывается в улыбке, довольно долго не может оторвать взгляд от смуглого, красивого лица, чувственных губ, и, особенно, бездонных глаз в обрамлении длинных от природы ресниц. Кира идет напрямик в зал с женской одеждой, где её ждет обходительный консультант, помешанный на чистоте и французских духах парень-гей, который знает всех постоянных покупательниц по имени.

Виктор смотрит ей вслед, пока она не исчезает между стойками с платьями. Потом, облизав пересохшие губы, обращается к продавщице:

– Нам нужны брюки и рубашки вот для этих двух остолопов, – Олег изображает удивление на лице, как бы говоря: «Как ты только что меня назвал? Остоло-о-оп??», Артур же смиренно кивает.

Продавщица улыбается, понимая, кто будет оплачивать покупки.

– Не знаю, сможем ли мы что-нибудь подобрать для мальчика, у нас нет отдела с одеждой для детей, – её глубокий бархатистый голос, вежливый, кроткий, но дающий почув-

ствовать силу характера его обладательницы. Она оценивающе смотрит вначале на Олега, на его майку со следами соли от высохшего пота, потом её взгляд скользит по Артуру, начиная с макушки и заканчивая голыми грязными ступнями.

– Ну, постарайтесь! Они полностью полагаются на ваш вкус, да ведь? – и Олег и Артур с готовностью кивают, а Виктор переходит на шёпот и добавляет: – На худой конец возьмите что-нибудь из одежды для анорексичек, и скажите ему, что это унисекс.

Метиска смеется и не понятно, что ее больше смешит, шутка Виктора или он сам, его гнусавый голос, его манера себя вести.

– Хорошо, джентльмены, как бы вы хотели одеться? Вот там дальше, справа, есть отличные штаны от одного модельера из Италии, талантливого, как говорят. Вам должны пойти вот эти – подойдя к стойке, обращается она к Олегу, одновременно выжывая вешалку с хлопковыми летними брюками.

Олег заходит в просторную кабину примерочной, и, не закрывая занавесь, скидывает с себя спортивную форму, оставаясь полностью нагим. Забыв, что за его спиной стоит продавщица, он смотрит с восхищением и жалостью на свое идеально сформированное тело, так, словно не может поверить в его реальность, так, как будто оно для него стало всего лишь воспоминанием. Кашлянув, чтобы привлечь его внимание, продавщица вручает ему штаны: его поведение вызы-

вает у неё только едва заметную полуулыбку. За время работы в этом магазине она привыкла к странностям покупателей. Обуздывая любопытство, Артур проходит дальше, в следующую свободную кабину. Кладет крышку от пива на обтянутый бежевой кожей пуф в углу. Смотрит в зеркало.

Просторный светлый холл, стойка с надписью «Reception».

– Месье Виктор! Добрый день! В каком зале вы и ваши друзья хотите провести время?

– Виктор, давай во французском! – просит Кира, – Как тебе не надоели эти Письки-шоу!

– А что, давай пообедаем во французском зале? Для разнообразия, – присоединяется к ней Олег.

Почти поддавшись на их уговоры, Виктор заглядывает в роскошный французский зал в стиле Людовика XV: причудливо изогнутые ножки кресел из бука, шелковая обивка спинок и сидений, картины на стенах – теплых пастельных тонов. Огромная позолоченная люстра с мириадами хрустальных капель, отразивших внутри себя огонь от десятков восковых свеч. Он уже собирается переступить порог, как замечает в полумраке нескольких мужчин кавказской внешности, которые сидят за двумя сдвинутыми столами в дальнем углу. Один из них, проглотив большой кусок баранины, вдруг начинает громко смеяться и Виктору кажется, что он узнает этот смех.

– Нет, пойдем в тайский. Не хочу пересекаться с чеченской диаспорой, – говорит он, проходя дальше по коридору к мраморной лестнице на второй этаж – Е..ные хачи!

– Вы ведь не взяли с собой огнестрельное оружие, парни? – добавляет он, обернувшись.

Олег показывает указательным пальцем на свой пах:

– Мой ствол всегда со мной!

– Твой скорострельный пистик? Против их крупнокалиберного оружия? – Виктор мрачно хмыкает, – Ну-ну...

Кира закатывает глаза, показывая, как она устала от их ребяческих шуток, но тоже улыбается. Тайский зал стилизован под занюханную забегаловку с Walking Street начала века. Чтобы попасть туда, они идут по длинному, кое-как освещенному голыми лампочками коридору, в конце которого их встречает грудастый, начавший стареть транссексуал. Он что-то говорит на смеси тайского с английским. Накладные ресницы, заколотые в конский хвост черные волосы. Он протягивает им какую-то деревянную ступу, в которую Виктор небрежно бросает пару купюр из бумажника. Поблагодарив его за щедрость («Сенкью»), таец-транссексуал стучит в невзрачную, обшитую стальными листами дверь, из-за которой слышны низкочастотные удары ритмичной клубной музыки, и та распахивается навстречу гостям. Две молодые проститутки на высоких каблуках встречают их улыбкой и провожают к столику перед сценой. Олег начинает дергать головой в такт жесткого бита, одновременно поглаживая обтянутый латексом зад приглянувшейся ему девочки. Яркие цвета, блики, вспышки света. На сцене в этот момент танцовщица, абсолютно голая, с некрасивым лицом,

вставляет себе во влагалище какую-то трубку. Официантки принимают заказы и одновременно предлагают посетителям взять один из разноцветных воздушных шаров с гелием.

Виктор заказывает большое блюдо с креветками, жареную на углях рыбу Пла Плу и салат с крабами Сом Там Бу. Официантка, приняв заказ, вручает ему красный воздушный шар и уходит на кухню. Низкочастотная пульсация барабанов, механический скрежет и стоны бесполок существ. Виктор пару мгновений мешкает, не зная, куда деть этот шар, и тут ему на глаза попадается Артур, впившийся взглядом в побритую промежность девочки со сцены. Виктор окликает его, передает ему шарик на нитке, показывает, что его нужно держать повыше, над головой. В этот момент девочка с зажатой в половых губах трубкой приподнимает таз над полом сцены и стреляет дротиком. Артур вздрагивает от резкого хлопка пробитого иглой шара – ему на колени падают резиновые ошмётки, похожие на порванный цветной презерватив. Олег громко смеется, кто-то аплодирует.

– Представляешь, какие у нее мышцы любви, если она может вытворять такое? – говорит Олег, оторвавшись от меню, чтобы посмотреть на Артура. Тот, кажется, немного смутился.

Пальнув еще пару раз в другие стороны, некрасивая девочка уходит со сцены и ее сменяет другая, которая, пританцовывая вокруг шеста, открывает стеклянную бутылку с водой, вставив ее себе между ног и резко повернув, так что ме-

таллическая крышка с резьбой осталась зажатой в ее малых половых губах. Прежде чем выплюнуть её, девочка показывает крышку зрителям: присев и откинувшись назад, она поворачивается широко раздвинутыми ногами ко всем желающим. Гладкая внутренняя поверхность крышки ловит разноцветные лучи прожекторов и красочно бликует. Потом девочка повисает на шесте вверх ногами, берет рукой открытую бутылку и выливает воду из нее в свое нутро. Опять встает на ноги, проходит по сцене, помахивая пустой бутылкой под музыку, затем замирает на середине сцены, прямо напротив Артура, и выливает из себя жидкость обратно в бутылку. Вода изменилась – из прозрачной она стала цвета черного кофе или кока-колы. Из зала доносятся смешки и разрозненные аплодисменты.

– Заказывай еду, – говорит Артуру Кира, – Хватит смотреть эту гадость!

– Я буду то же, что ты! – Отвечает он ей и улыбается, стараясь выглядеть непринужденно. Кира смотрит на красивое, немного женственное лицо Артура, стараясь понять, чего больше в его еще детских глазах, мольбы или похоти, что он испытывает к ней.

Когда приносят еду, Артур ест почти без аппетита, то и дело косясь на сцену, где продолжается шоу и девочки, многие из которых еще недавно были парнями, сменяют друг друга каждые пять минут. Одна курит вагиной сразу две сигареты, делая глубокие затяжки и выпуская кольцами дым. Дру-

гая, танцуя, достает из себя гирлянду со светящимися в ультрафиолете цветками из синтетической ткани. Потом снова выходит та, что стреляла дротиками, и, опять вставив трубку себе между ног, задувает свечи на большом праздничном торте.

Артур обескуражен. Эти сотворенные хирургами тела, эти циничные фокусы с женскими половыми органами – он не знает, как правильно на них реагировать. Обычный европейский стриптиз нравится ему больше, он вызывает легкое возбуждение в его теле, а это асексуальное шоу заставляет его задуматься о смерти. И Олег, и Игорь сидят в пол оборота к сцене и полностью сосредоточены на еде. Кира тоже не смотрит представление – она его видела уже много раз, и ей интереснее разглядывать посетителей за соседними столами: компанию пузатых армян в глубине зала, которые то и дело начинают громко ржать; двух молодых парней, явно впервые зашедших в это заведение, к которым клеится, недвусмысленно предлагая себя, высокий молодой трансвестит, еще не накопивший нужную сумму на последнюю в череде операций по смене пола.

Виктор, продолжая жевать, наклоняется к Артуру, и улыбка исчезает из его глаз, они становятся пустыми, безразличными:

– Я больше не чувствую себя живым, – говорит он, проглатывая кусок рыбы – Теперь ты понимаешь меня?

Артур неуверенно кивает, вспоминая лицо бомжа со свал-

ки – в глазах Виктора та же смесь безумия и пустоты.

Толстяк Игорь большим глотком допивает пиво, рыгает в кулак и медленно произносит, пробегая взглядом по пустым грязным тарелкам:

– Думаю, я наелся, – он удовлетворенно поглаживает брюхо пухлой ладонью, но на самом деле он не уверен, что сыт, также как не был уверен ранее, что хочет есть.

В последнее время Игорь перестал получать удовольствие от еды, но он боится признаться себе в этом и по инерции продолжает играть роль чревоугодника – так ему проще сохранять свою самость, границы которой, он чувствует, могут быть окончательно размыты в любой момент. Иногда он даже заканчивает трапезу на середине, отказываясь от вполне вкусных блюд – раньше он так никогда не делал. Словно островок почвы, постепенно смываемый бурным потоком вышедшей из берегов воды, его я, самое ядро его личности, постоянно омывается течением свихнувшейся жизни, всех этих деталей, которые вот-вот сложатся в целую и очень неприятную картину. Ухудшившийся аппетит лишь один из симптомов, еще есть приступы необъяснимой паники, которая почти сразу сменяется злостью, желанием что-нибудь разрушить, сломать, исковеркать. Перевернуть стол и сильным ударом кулака свернуть нос Виктора набок, чтобы посмотреть, как изменится его самодовольное лицо, или раз-

бить губы Кире, этой безмозглой потаскухе. Даже Олег, его лучший друг, кажется ему теперь всего лишь марионеткой в руках враждебно настроенного демиурга. Этот демон-демиург пытается свести Игоря с ума, искусно сплетая вокруг него паутину лживой реальности, но Игорь, кажется, придумал способ, как перехитрить врага. Его друзья, вернее, люди, выдающие себя за его друзей, пока не догадываются об этом и он рад, что ему удастся скрыть от них правду.

Он встает из-за стола, отряхивая с себя несколько липких разваренных зерен риса, похожих на личинки мясных мух. Когда-то давно они ходили рыбачить с отцом, живя по нескольку недель на даче в деревне, и он помнит, как насаживал на крючок опарышей в качестве наживки. Течение реки, ее монотонный шум, звук стрекоз, патрулирующих окрестности. Там же, в деревне, он впервые влюбился – девочка приехала погостить к своей бабке и жила с ней в старом деревянном доме недалеко от поселка, где у родителей Игоря был большой особняк. Они случайно столкнулись у колонки с водой, когда почти одновременно подъехали к ней на велосипедах, испытывая жажду. Игорь не сразу заметил ее. Смешно надув полные щеки, он набрал ледяной воды в пересохший от горячего дневного воздуха и дорожной пыли рот, чтобы прополоскать его, и тут встретился с ней взглядом: она улыбалась, зажав маленькую пластиковую бутылку из-под минеральной воды в руках и ожидая своей очереди. Шум электрического насоса и падающей на камень воды.

– Господа, теперь мне нужен качественный минет! – Игорь обегает взглядом всех друзей, скабрёзно ухмыляясь – Не знаю как вы, а я пошел выбирать себе спутницу на ночь. Пока еще всех красавиц не разобрали эти старые извращенцы...

– Иди, я тебя догоню! – Отвечает ему Олег, – Ты ведь опять пойдешь к малолеткам, да?

Игорь кивает, хлопает Олега по плечу, как бы говоря: «Да, дружище, тут ты прав!» и, тяжело вздохнув, идет к выходу из зала – мимо сцены, где продолжается жалкое шоу, мимо столиков с другими посетителями.

Виктор, отодвинув тарелки и опершись локтями на стол, кладет голову на ладони, скользя ими по наморщенному лбу, разглаживая его и оттягивая брови и веки вниз, на уставшие глаза. Потом массирует щеки и подбородок, полностью закрыв ладонями лицо. Сквозь щели между пальцами он видит почти полную соусницу: красноватый остро-сладкий соус чили, волокна чеснока, крошки от роллов. Потерев указательными пальцами уголки глаз, Виктор убирает руки от лица и смотрит на Олега:

– Сходишь со мной до машины? Я там кое-что забыл.

– Да, конечно, почему бы нет, – Олег только что закончил есть, он вытирает губы салфеткой и встает.

– Кира, если мы тебе понадобится, звони, хорошо? – они по очереди целуют её в гладкую щёку, когда проходят мимо.

– Да, конечно, не волнуйтесь. Резвитесь вдоволь! – наиг-

ранно восклицает она им вслед и смеется, и те, обернувшись, улыбаются ей в ответ. – Поперлись за коксом, бедолаги! Тут нюхать бояться, знают, что их родителям могут переслать записи с камер, – также весело добавляет она, когда Виктор и Олег уже исчезают за стальной дверью, оставив ее наедине с Артуром. Она вдруг испытывает прилив болтливости: этот мальчик кажется ей таким наивным, таким непосредственным, что ей хочется сделать что-нибудь, чтобы растревожить его невинную душу.

– Мы с Виктором уже четыре года и его пыл, как видишь, поостыл. Хочешь, сходим наверх? Там есть комнаты.

– А Олег, ты с ним тоже целовалась... – Артур старается не отводить взгляд от ее глаз, зеленоватых, бесстыжих.

– Да, конечно. И не только... – Как ни в чем не бывало говорит она, – Мне кажется, он специально подложил меня под Олега, чтобы проверить, способен ли он еще испытывать ревность... Хотя, только черт разберет, что там у него в башке.

Не зная, что сказать в ответ, Артур просто многозначительно кивает головой и вызывает этим новый приступ веселья у Киры.

– Так мы уходим? – словно намекая ему, что он должен взять инициативу в свои руки, говорит она, – Ненавижу этот притон!

Артур косится на официанток, вспоминая, что им не приносили счет, и Виктор не расплатился, прежде чем уйти. Его

правая рука даже начинает тянуться к карману новых модных штанов, подарку Виктора, хотя он прекрасно знает, что тот пуст.

– Не волнуйся, дурачок! Для таких как Виктор и для его друзей в этом заведении уже все оплачено. Он ведь племянник губернатора и сын крупной шишки из Конторы! Он тебе разве не сказал?

Артур встает первый и Кира любит его молодым живым лицом: удивление на нем сменяется смущением, растерянностью, потом он пытается взять себя в руки и смотрит на нее с напускной самоуверенностью, с вызовом. Кира берет со стола обновку – клатч из кожи ската.

– Ты девственник? – спрашивает она, искрясь едва сдерживаемым смехом, и получает в ответ полный укора взгляд. – Ладно, иди за мной, я тебе кое-что покажу...

Вода падает из крана колонки на выложенную камнями землю, ледяные брызги долетают до его ступней, обутых в сандалии. Стальной рычаг холодит его ладонь, он нагибается, чтобы отхлебнуть прямо из бьющей с напором струи. Девочка стоит чуть поодаль, и с любопытством смотрит на него. Студеная вода ломит зубы и он ждет несколько секунд, прежде чем проглотить её, потом отпускает рычаг, поворачивается лицом к девочке и взглядом показывает ей, что она может подойти и набрать воды. Девочка, совсем худенькая, загоревшая, снова улыбается ему, подходит ближе, садится на корточки и, открутив крышку, подставляет горлышко бутылки к крану, трубка которого шире. Игорь нажимает на рычаг, из колонки доносится гудение. Напор резко хлынувшей воды, ударившись о пластиковое дно, заставляет дернуться ее руку вниз, бутылка переполняется за мгновение и холодные брызги летят ей в лицо, на плечи и на майку. Девочка визжит, отпрыгивает от колонки, смеется и смотрит с укором на вызвавшего помочь парня.

– Ты должен был выключить воду быстрее! – говорит она и замечает, что ее бутылка наполнена лишь наполовину – остальное разбрызгалось из-за сильного напора.

– Давай попробуем еще раз, – ухмыляется Игорь, и девочка с недоверием смотрит на него, забавно прищуриваясь.

– Не, с такой реакцией как у тебя я промокну насквозь!

– Хорошо, давай бутылку сюда, я покажу, как это делается. Как тебя зовут?

– Ира.

Несколько раз нажимая и сразу отпуская рычаг, Игорь осторожно доливает воды в бутылку и отдает ее девочке.

– Я тебя раньше не видел. Ты где живешь? – спрашивает он.

– Я тебя тоже. Вон там. – Она показывает рукой в сторону нескольких старых деревянных избушек с огородами. – Видишь зеленую крышу с флюгером в конце улицы?

Родители Игоря привезли его на дачу уже неделю назад, но его друзья из соседних коттеджей – Виктор и Олег – все еще оставались в городе и он маялся от скуки и одиночества. Ему было тогда уже лет четырнадцать. То, что он из богатой семьи, что у них трехэтажный загородный дом в поселке с круглосуточной охраной, придает ему уверенности в общении, но все-таки в глубине себя он чувствует робость перед Ирой и всячески старается ее скрыть. Он кивает ей в ответ, предлагает ей покататься вместе, но девочка лишь пожимает плечами. Без особого интереса, скорее из вежливости, она узнает, где живет он и, получив ответ, многозначительно кивает, делая смешную гримаску: уголки рта опущены, брови приподняты, в глазах одновременно удивление и насмешка. Игорю хочется сказать что-нибудь еще, но в голову сразу ничего не приходит. Вставив полную бутылку в специальное

крепление на раме, Ира поднимает велосипед с пыльной земли, ловко запрыгивает на сиденье и катится по проселочной дороге вниз с холма, разгоняясь все сильнее. Он смотрит ей вслед, думая, что было бы отлично сойтись с ней поближе до того, как в деревню приедут его друзья.

На следующий день Игорь просыпается раньше обычного, принимает прохладный душ, быстро съедает легкий завтрак и, схватив велосипед в гараже, отправляется в путь. Он испытывает воодушевление, весь его организм собран, у него есть цель, захватившая его целиком. Он едет минут пятнадцать с довольно высокой скоростью по новому, заасфальтированному шоссе, специально проложенному в их поселок, потом сворачивает на пыльную, всю в ухабах проселочную дорогу, проезжает мимо скважины с чугунной колонкой, где они вчера набирали воды.

Лицо Иры, его тонкие черты, загар, обветренные губы и, самое главное, ироничный взгляд ее серых глаз, таких любознательных, живых, – все это не выходит у Игоря из головы и он готов отдать многое, чтобы она снова посмотрела в него, заставив почувствовать смесь робости и желания узнать её лучше, глубже проникнуть в ее мир. Он останавливается напротив дома с зеленой крышей, осматривается. Иры не видно, за невысокой изгородью в глубине двора можно разглядеть только пожилую женщину, которая, похоже, пропалывает грядку. Солнце припекает всё сильнее, кровожадные слепни то и дело пытаются сесть на его шею, голени, предплечья и ему приходится энергично от них отмахиваться. Присев на скамью, сколоченную из распиленных пополам

бревен, он терпеливо ждет минут двадцать, делая вид, что чинит цепь на велосипеде, но Ира не появляется, вместо нее к изгороди подходит женщина и, одарив его оценивающим взглядом, спрашивает:

– Чего тебе?

– Здравствуйте! – набравшись смелости, говорит он, – А Ира дома?

– Ирка то, нет, не дома. Укатила с утра куда-то, небось, в соседнюю деревню. А она тебе зачем?

Слегка опешив от такой прямоты, Игорь надувает щеки, опускает глаза на велосипед, потом всё-таки отвечает, но произносит слова слишком тихо:

– Хотел предложить ей покататься вместе...

– Чего? – не расслышав, переспрашивает женщина.

– Думал, покатаемся вместе! – на этот раз громко говорит он, разворачивает велосипед, запрыгивает на него и, перед тем как уехать, добавляет: – Передайте ей, что я заезжал.

– Хорошо, хорошо. Тебя хоть как зовут?

– Игорь!

– Ну, хорошо, Игорь, я все передам, – с многозначительной улыбкой говорит женщина.

По пути назад Игорь корит себя за то, что сразу не попросил у Иры номер ее телефона или контакт в социальной сети.

В течение недели Игорь каждый день приезжает к дому Иры, останавливаясь чуть поодаль, чтобы его не заметила та женщина, её бабка, которая явно только и ждет повода, чтобы подшутить над ним, над его влюбленностью. Он с ужасом представляет, в каких словах описала она его первый неудачный визит, каким дураком выставила перед Ирой, и как они вместе смеялись над ним. Впервые он всерьез задумывается о своей полноте как о недостатке, вспоминая, как его дразнили в детском саду и в начальной школе, пока он не стал давать отпор. Их пронзительные голоса, их искаженные смехом лица. Тогда он воспринимал все издевки как незаслуженные и дрался с любым до тех пор, пока тот не забирал слова назад, теперь же он и сам был готов согласиться с этими глумливыми голосами, поселившимися внутри него и ставшими неуязвимыми для его кулаков. Толстяк Игорь, так его называют друзья, считая, что это главная его черта, и теперь, став подростком, он боится, что его тело никогда не будет привлекательным для женских глаз. Но он старается не поддаваться этим голосам и этому страху. Он хочет проверить, сможет ли Ира ответить ему взаимностью, сможет ли разглядеть в нем что-то кроме излишне развитой жировой прослойки.

Через восемь дней его попытки венчаются успехом, упор-

ство и настойчивость приносят плоды. Подъезжая к их дому, он видит, как Ира открывает калитку, выкатывает на дорогу свой старый велосипед, седлает его и катится в противоположную от Игоря сторону. Он налегает на педали и догоняет ее в конце улицы. Они останавливаются.

– О, привет! – говорит Ира и хитро улыбается.

– Привет! – отвечает Игорь, борясь с одышкой и чувствуя, что выглядит сейчас довольно жалко, – Ты где пропадала? Я заезжал сюда несколько раз, хотел покататься вместе.

– Да, я знаю, ты тут каждый день отираешься, мне бабушка говорила, – ее глаза гипнотизируют Игоря и он тоже расплывается в улыбке, – Ты такой настырный, я специально пряталась от тебя, а ты все-таки меня выследил, да?

– Ну, да, но зачем ты пряталась?

– Не знаю, так было интереснее...

– Давай съездим в ту сторону, я тебе покажу, где я живу, – предлагает Игорь.

– Я знаю, где ты живешь и какие дома в том поселке. Что еще ты хочешь мне показать? – несмотря на грубость ее слов, Игорь видит, что всё-таки вызвал в ней интерес, пусть он и объясняется простым любопытством.

– Ну, я мог бы взять виски из отцовского бара, ты когда-нибудь пробовала хороший виски? – Игорь сам совсем недавно его попробовал, чуть-чуть пригубив и едва смочив горло: напиток показался ему отвратительным, хотя он знал, что отец не жалеет денег на хороший алкоголь и это один из

лучших сортов. Теперь же, перед Ирой, он хочет выглядеть знатоком – друзья говорили ему, что девочкам нравится, когда парни ведут себя как взрослые.

– Украсть, ты имеешь в виду? Папаша явно не разрешает тебе пить, тебе ведь всего... Сколько тебе?

– Через месяц будет пятнадцать, а что?

Когда они проезжают через автоматические ворота на охраняемую территорию поселка, когда, проехав по широкой, идеально заасфальтированной улице и свернув на подъездную дорогу с раскинувшимися по обе стороны от нее, словно райские кущи, фруктовыми садами, они оказываются на гигантском земельном участке, за напускным равнодушием Иры он угадывает изумление, для нее это словно оказаться в другой, почти волшебной стране. Участок огорожен забором с причудливо отлитыми узорчатыми решетками из чугуна и похож на имение одной из голливудских звезд первой величины: дом с богатым декором – колоннами, пилястрами, балюстрадами и прочим, ландшафтный дизайн. Есть даже сад камней, с ручьем и декоративной мельницей.

– Неплохо!

– Это все отец, он служит государству, – с гордостью говорит Игорь. Он действительно восхищается отцом, тот кажется ему сильным и справедливым, хотя Игорь в точности не знает, чем именно он занимается и как заслужил право перенаправить некоторые денежные потоки так, чтобы и на его мельницу лилась вода.

Игорь решает зайти через гараж, и видит, что машины матери нет – скорее всего, она уехала в город, чтобы встретиться с друзьями. Жизнь в деревенской глуши довольно быстро

ей надоедает. Полумрак, тусклое сияние полированных деталей автомобиля отца, запах солярки. Они проходят в дом, оказываясь в коридоре у ведущей на второй этаж лестницы из массива дуба. Игорь оборачивается, смотрит в просторную гостиную, в которой после обеда любит сидеть отец, читая газету или смотря новости и часто погружаясь за этими занятиями в дремоту. Но сейчас его там нет, возможно, он уехал вместе с матерью или заперся в кабинете. Игорь жестом показывает Ире, что им нужно подняться наверх – там его комната, и они могут уединиться в ней.

Зайдя в комнату, Ира обегает ее взглядом, замечая большого плюшевого медведя, какие-то глупые книжки, написанные специально для подростков дамочками среднего возраста, обертки конфет на прикроватной тумбе.

– У тебя уютно, – улыбается она, – А кровать заправляет твоя мама, или у вас есть служанка?

– Нет, я сам заправляю. Папа требует, чтобы был порядок во всем. «Порядок в комнате, порядок в голове», так он говорит. Садись в кресло, я пошел за виски.

Травянистый, дымно-торфяной привкус, горечь спирта. Они выпивают по пятьдесят грамм, закусывают темным шоколадом.

– Какая гадость! – морщится Ира и отламывает еще кусок от плитки шоколада, чтобы быстрее избавиться от вкуса теплого виски. Шорох и блеск фольги, ее тонкие длинные пальцы, испачканные подтаявшим маслом какао.

– Да, как они его пьют? – смеется Игорь, – Будешь еще?

По телу Иры разливается тепло, пухлое лицо Игоря кажется ей довольно милым. Она кивает, продолжая жевать горький шоколад, в ее глазах, еще детских, появляется что-то новое, чего Игорь раньше не замечал. Он пытается разгадать значение этого взгляда, но не может, так как еще не знает этот тайный язык – он прерывает неловкую паузу, начиная болтать о чем-то второстепенном, потом они идут на улицу и он провожает ее домой.

Две недели спустя, в деревню приехал Виктор, а следом за ним и Олег. Игорю пришлось познакомить друзей с Ирой, и они стали проводить время вчетвером. Они вместе ездят на озеро, гуляют по вечерам, курят тайком от родителей травку, смотрят кино. Виктор, кажется, тоже запал на Иру. Он постоянно шутит, переключает её внимание на себя, делает ей двусмысленные комплименты, заставляя Игоря злиться: Ира перестает обращать внимание на него, с Виктором ей гораздо интереснее, он такой остряк, он так непредсказуем – то строит из себя джентльмена, то рассказывает похабные истории, и, кроме прочего, так хорошо танцует.

– Почему ты так смотришь на Виктора? Он тебе нравится?

– Да, он классный, – говорит она, заставляя Игоря почувствовать себя несчастным. Он замолкает и с горечью осознает, что потерпел поражение.

Как-то раз, когда они напились у Виктора дома, Олег невзначай обратил внимание Игоря на то, что Виктор и Ира куда-то пропали и их уже нет в гостиной больше получаса, наверное, добавил Олег, он ее уже трахает в туалете или у себя в комнате. «Пустяки», сказал Игорь, «она ему не даст», и решил отправиться на их поиски. Заглянув на кухню, потом в туалет на первом этаже и не найдя их там, он поднимается на второй этаж и открывает дверь в спальню друга: полно-

стью голая Ира лежит в объятиях Виктора и что-то шепчет ему на ухо, пока он неуклюже стягивает с себя штаны.

Девочки едят мальчиков

Дверь плавно открывается и в комнату заглядывает первая девочка. Остановившись на пороге, она прикрывает глаза и поводит носиком, вычерчивая им в воздухе спираль. Шторы неплотно закрыты и сквозь щель между ними видна большая фруктовая ваза: ярко-жёлтый банан с нежно-зелёными гранями неуклюже торчит и, кажется, вот-вот готов выскользнуть из неё на подоконник. Терпко сладкий запах.

Когда она оборачивается, ее улыбка отражается в хищных личиках двух других нетерпеливо ожидающих девочек: они беззвучно хихикают, обнажая маленькие острые зубы. Еле слышимый шорох из комнаты заставляет их насторожиться. На несколько мгновений их глаза останавливаются, пустеют, как будто они стараются что-то припомнить. Полоска солнечного света медленно скользит по шелковистой поверхности обоев. Золотистые пылинки, повисшие в воздухе.

Аккуратно переставляя смуглые длинные конечности, замирая на миг после каждого шага, первая девочка вползает внутрь. Подождав немного, и уже с меньшей осторожностью за ней следует вторая – с рыжими волосами и бледной тонкой кожей. Её дыхание сбивается от волнения; она постоянно поправляет спадающие на лицо волосы и нервно осматривается: на виске чуть заметно подрагивает жилка, между чешуйками обветренных губ проступает красноватая сукро-

вица. Последняя девочка нерешительно наблюдает от двери, готовая в любой момент устремиться обратно. Возможно, она немного младше и ей нет ещё и одиннадцати. Она почёсывает комариные укусы на лодыжке, бедре, пытается дотянуться до лопатки... Её серо-зеленоватые глаза сужаются от удовольствия.

Быстрым лёгким движением смуглая девочка взбирается на кровать. В комнате тепло и, ворочаясь во сне, мальчик сбросил с себя одеяло. Его пухлое нежное тело на фоне гуашево-голубой ткани заставляет её лицо исказиться: тонкие чёрные брови изгибаются в мучительном восхищении. Она обнюхивает его живот, плавки, бёдра, её волосы касаются кожи мальчика. стакан густого молочного киселя, лишь пригубленного (он любит его холодным), стоит рядом с кроватью, на низком столике. Аромат ванили сливается со слабым запахом его пота, сладкого, раздражающего.

Сев так, что её острые коленки упирались ему под мышки, рыжая девочка, покусывая верхнюю губу, несколько секунд смотрит в лицо мальчика. Его дыхание учащается, он сопит, из его приоткрытого рта вырывается стон. Девочка наклоняется, рыжие волосы закрывают их лица. Она трётся шероховатыми губами о его подбородок, рот. Серебристая паутинка слюны свисает с её губ... Покрытые веками глаза мальчика начинают судорожно метаться, пытаясь найти выход из сна.

Младшая из девочек, наконец осмелев, подползает на четвереньках поближе и какое-то время просто наблюдает, но

когда он вновь стонет, она, не выдержав, запрыгивает на кровать, с трудом помещаясь в изножье. Её взгляд на миг встречается с насмешливо искрящимися, карими глазами другой, сидящей слева от него девочки.

Прерывистое дыхание сменяется неприятным чавкающим звуком: рыжая девочка начинает есть его губы. Из разорванных капилляров прыскает несколько тонких струек крови: мелкие красные капельки брызг появляются на ее лице поверх веснушек. Она морщит носик, смазывает их рукой и снова принимается за еду. Смуглая и самая голодная девочка, широко открыв рот, пытается прокусить бедро мальчика: её челюстные мышцы предельно напряжены. Темные пятна крови, пропитавшей ткань, судороги сладкого тела. Младшая девочка долго лижет его голень, и лишь дразнящий запах оголённой плоти и чавканье других девочек заставляют и её попробовать мальчика на вкус.

Солнечные лучи сдвигаются на несколько сантиметров левее. Глухой стук упавшего плода, шум проехавшей под окном машины. Его глаза открываются: ярко-синие радужки озаряют его изуродованное, лишённое губ и носа лицо. Присев на кровати, он несколько раз моргает, привычно протягивает руку к стакану, начинает пить. Насытившиеся девочки валяются на полу, слизывая друг с друга брызги подсохшей крови. Солонатово-металлический привкус. Что-то испортилось... Густая мучнистая жидкость стекает по его шее; тёмно-бордовые разводы, расцветающие в киселе («вишнё-

вый сироп?»). Он резко встаёт, пытается сделать шаг, но с грохотом падает: большая часть его правого бедра и вся левая голень съедены.

Выпавший из руки стакан, слабо сияя гранями, с гулким шумом катится под кровать.

Липкая белесая лужа на полу.

03 Реанимация

1

Ряды белых коек на колесах, стойки для капельниц, пластиковые пакеты с раствором хлористого натрия. С помощью ширм зал разделен на две половины – мужскую и женскую, но ширмы не плотно придвинуты друг к другу и те пациенты, кому удалось прийти в сознание, могут повернуть голову вбок и увидеть голые некрасивые тела представителей противоположного пола, кое-как прикрытые простынями. В этом зале лежат те, кому пока не нашлось места в одной из палат, – отделение реанимации госпиталя переполнено.

Санитар, молодой, смуглый чеченец, поджарый и мускулистый, распахивает двустворчатые двери, и, толкая каталку впереди себя, провозит к одной из недавно освободившихся коек бледное худое тело Артура. Взяв пациента под плечи и колени, он без труда, словно куклу, перекладывает его на койку и подает знак своей подруге Марине, медсестре, чтобы та подключила к больному аппарат искусственной вентиляции легких, пульсисметр, воткнула катетеры в вену и уретру. Марина, женщина лет тридцати, подходит к койке, окидывает взглядом распростертое перед ней юное тело: правая рука свесилась с края, левая лежит на животе. Кажется, маль-

чик вот-вот проснется, потянется и зевнет. Она отматывает полосу бинта около метра длиной, отрезает ее от мотка, скручивает, потом складывает пополам, продевает одно из лезвий ножниц в петлю и разрезает редкие белые нити ткани, несколько раз сомкнув и разомкнув ножницы. Санитар не уходит, хотя у него еще куча дел, а продолжает стоять и смотреть, как она привязывает руки Артура к койке, к стальной полой рейке под матрасом, чтобы тот не вырвал из себя катетеры, если будет метаться в бреду. Ещё раз оглядев нагое тело и решив, что мальчик слаб и его ноги можно не фиксировать, достаточно будет привязанных рук, медсестра поддвигает к кровати стойку с ИВЛ, регулирует настройки, надевает ему на лицо и закрепляет на голове маску. Закончив с этим, она достает из кармана халата упаковку с уретральным катетером и кладет её на плоский живот Артура, чуть выше светлых кудрявых волос на лобке. Санитар ухмыляется, глядя на маленький член мальчика, похожий на мягкий бобовый стручок:

– Таким прибором ему будет сложно удовлетворить женщину, да? – низкий голос, едва уловимый акцент, ироничная улыбка и пытливый взгляд. Двадцатитрехлетний санитар чувствует возбуждение и хочет вставить Марине прямо здесь, наклонив ее на койку с пациентом, но понимает, что она на это не пойдет, хотя они и в самом начале довольно бурного романа, – Или размер не важен?

– Важен, дурак! – шутя обзывает его она, не поворачивая

к нему голову, но чувствуя его влюбленный взгляд на своем теле. Он говорит, что его сводит с ума ее шея и поэтому она стала закалывать волосы так, чтобы держать ее открытой. – Но не только он важен... Помоги мне! Согни ему ноги в коленях, не сильно, вот так, теперь держи. – Она старается говорить с ним строго, словно молодая, неопытная учительница, оставшаяся наедине с хулиганом старшеклассником.

Вставший в изножье кровати санитар придерживает полусогнутые, подернутые светлым пухом ноги Артура, взявшись ладонями за его узкие щиколотки. Он заглядывает в сосредоточенное на процедуре лицо Марины, в ее серо-голубые веселые глаза, но та не хочет встречаться с ним взглядом – она и так еле сдерживает улыбку.

– Стой здесь, я сейчас, – говорит она и идет за судном, ватой и вазелиновым маслом.

Вернувшись через минуту, она ставит судно между разведенных ног Артура, затем берет в левую руку член мальчика, и тщательно протирает его головку, крайнюю плоть и отверстие уретры ватным тампоном, смоченным раствором борной кислоты. Смотрит на губки наружного отверстия уретры, думая, не стоит ли взять катетер диаметром поменьше, но ей лень идти за ним к шкафу, и она распаковывает тот, что уже лежит на животе Артура. Смазав эластичную трубку маслом, она начинает вводить ее в уретру, довольно сильно оттягивая член и проталкивая полупрозрачный пластик внутрь Артура, где-то на сантиметр за одно движение правой

руки. Она так сосредоточена, что не сразу замечает, как санитар начинает задирать ей халат, отпустив левую ногу мальчика.

– Джохар, тут камеры! Хочешь, чтобы нас уволили? – разозлившись, шепотом говорит она. – Подожди немного!

У нее есть ключ от кладовой, в которой они уже несколько раз уединялись и она думает, что лучше воспользоваться ей и сегодня, иначе он не даст ей спокойно работать – эти молодые чеченцы такие нетерпеливые. Но ей нравится его пыл, его уверенность в себе. Закончив вводить катетер, она подсоединяет к свободному концу трубки мочеприемник и подвешивает его на крючок внизу кровати.

– Держи ключ, – говорит она Джохару, – я приду через пять минут.

Джохар улыбается, смотрит на нее так, что она чувствует, как тепло приливает к низу ее живота, к ее половым губам. Не выдержав его взгляда, Марина опускает глаза и замечает, как сильно оттопырены его зеленоватые свободные штаны. Он уходит, оставив ее в смятении. Она стоит минуту или две без движения, чтобы прийти в себя и унять дрожь. Потом начинает ставить Артуру капельницу. Кое-как воткнув катетер в вену, забрызгав кровью простыню, она присоединяет к телу мальчика еще одну трубку, регулирует частоту капель с лекарством, и, накрыв его пододеяльником и сняв перчатки, выходит из палаты вслед за Джохаром, своим любовником.

Койки с пациентами, большая часть из которых скоро

умрет. Многие уже сейчас выглядят как полутрупы: бомж, живший в теплотрассе и сваривший себе ноги, когда ее прорвало; больной ВИЧ наркоман, выпрыгнувший из окна реабилитационного центра и сломавший себе позвоночник... Серый, словно покрытый тонкой копотью потолок, вибрация ртутных ламп. Артур лежит без сознания. Его осунувшееся лицо, свалывшиеся сальные волосы, маска ИВЛ на резинке. Вечером его будут оперировать. Прозрачная пластиковая трубка тянется к сгибу его руки, к торчащему из вены катетеру и, словно пройдя через все тело, выходит из уретры, уже наполненная мочой.

2

По пути в кладовую, Марина поправляет волосы перед зеркалом в коридоре, замечает, что ее лицо помолодело, на щеках кожа едва заметно розовеет румянцем, глаза искрятся энергией, желанием отдаться. К тридцати годам женщина понимает, насколько для нее важен хороший секс, романтические иллюзии, если они были, рассеиваются, и она даёт возможность своему ещё молодому телу действовать инстинктивно, почти не пытаясь его контролировать. Спустившись в подвал, она стучится в каморку, в которой хранится постельное бельё, тихо ударяя костяшками пальцев в дверь, но с достаточной силой, чтобы Джохар услышал их секретный код. Он отодвигает шпингалет и с жадностью принимает ее в свои объятия, затаскивая ее внутрь, приподняв над полом правой рукой, одновременно левой захлопывая дверь и возвращая щеколду на место. Теперь она в его власти, помех больше нет, и от этой мысли Марина чувствует, как растет ее возбуждение. Она скидывает с себя халат, стягивает рабочую блузу. Его дыхание становится глубже и, пока она снимает свои штаны, Джохар успевает полностью раздеться. Стеллаж со стопками белого, выглаженного белья, его приятный запах, сквозь который начинает пробиваться резкий терпкий аромат пота Джохара. Он помогает ей сдернуть с ног шелковые трусы, присев на колено, потом распрямляется, пово-

рачивает ее к себе спиной, запускает правую руку под бюстгальтер, мнет грудь, пощипывает соски. Своими упругими ягодицами, результатом многократных занятий в тренажерном зале, она чувствует его горячий член. Чуть отступив, он прижимает ладонь к ее набухшим половым губам, проверяя, насколько у неё там влажно и сразу вслед за этим входит в неё грубым резким толчком. Несмотря на быстрый ритм его движений, Марина знает, что он не кончит, пока она не начнет скулить и дрожать от охватившего её оргазма, невнятно умоляя его остановиться.

3

Им так понравилось уединяться в кладовой, что они стали делать это почти каждую смену. Марине даже кажется, что её восприятие времени стало меняться, словно сплавляя все дни в один, бесконечный, наполненный интенсивными ощущениями.

– Эй, ты где была? – говорит ей попавшийся навстречу врач, Николай Николаевич, седой, начавший сдавать мужчину, когда она идет обратно в отделение, стараясь унять дрожь в бедрах. Эта дрожь и слабость в ногах сохраняются довольно долго, если оргазм был действительно сильным, а в этот раз он таким и был – Ещё утром надо было побрить голову тому парню, – они вместе входят в палату и врач показывает взглядом на койку Артура – у него операция в 17.00. Он уже и так три дня провалялся, ты же не хочешь, чтобы операцию из-за тебя отложили снова?

– Голову должна брить санитарка, а не я!

– Маргарита сегодня не вышла, остаешься ты и Джохар. Можете монетку подкинуть. Где он кстати?

– Откуда мне знать! – она действительно не знает, наверное, он пошел до автомата с кофе или в курилку, чтобы похвастаться перед друзьями, как он ее только что отодрал. Другие санитары-мужчины и некоторые врачи как-то странно стали на нее смотреть, иногда на их лицах непроизвольно

появляется ухмылка – раньше она её не замечала. Он что-то разболтал или ей только кажется?

– И позвони его родственникам, я вчера пять раз набирал его мать, но она не берет трубку. Может быть, в регистратуре смогут найти другие контакты. Чувствую, наши нейрохирурги его угробят. А у нас нет разрешения на операцию от его родни.

– Больше ничего не надо? – стараясь его поддеть, спрашивает она.

– Нет, сделай пока это!

4

За несколько дней до того, как в Православный госпиталь привезли Артура, рано утром, в небольшом холле Николай Николаевич, похудевший, измотанный болезнью и бессонницей, собирает на планерку всех работников отделения реанимации и интенсивной терапии, чья смена выпала на этот день: пятерых врачей, Маргариту, Марину, Джохара, других сестер и санитарок. Все эти люди, его коллеги, вызывают в нем сейчас только раздражение своими суетливыми движениями, произнесенными шёпотом фразами, которые он не может разобрать. Заведующий реанимации в отпуске и Николая Николаевича оставили за главного – сейчас он должен представить всем новую медсестру-санитарку, студентку, решившую подработать и заодно пройти летнюю практику и почему-то выбравшую для этого их госпиталь.

– Это Вера, знакомьтесь, – уставшим голосом произносит он, – она будет работать в нашем отделении, выполнять обязанности младшей медсестры, покажите ей все, объясните, как и что она должна делать. Маргарита, ты возьмешь ее под контроль, поняла?

Еще главврач просил его напомнить, что персонал не может отлынивать от выполнения обязанностей несмотря ни на что, но Николай Николаевич не находит в себе сил, чтобы обвинить этих собравшихся перед ним людей в плохой работе.

Да, больным не всегда перестылают постель два раза в день, как должны, не всегда их достаточно тщательно моют, статистика смертей у них значительно выше, чем в других больницах, но и финансируется их госпиталь кое-как, зарплаты низкие. Он ухмыляется, представляя, что мог бы в своей речи воззвать к христианскому долгу каждого человека. Какие бы были изумленные лица у этих людей, либо суеверных, либо не верующих вообще!

– Пойдем со мной, – говорит Вере Маргарита, – Я покажу тебе, где мы будем работать, – они идут по тусклому коридору госпиталя и Маргарита чувствует себя гидом по преисподней – Всего у нас в отделении пять палат интенсивной терапии по две-три койки в каждой, большой зал, где лежат все те, кому не хватило мест в нормальных палатах. Такое часто случается, особенно после праздников. Там сейчас работают Марина и Джохар.

Вера, студентка третьего курса, внимательно слушает, постоянно кивая, поддакивая, всё, что ей говорит опытная медсестра. Решив подзаработать за летние каникулы и не найдя других вакансий, она устроилась на должность младшей медицинской сестры, в просторечии – санитарки, предупредив заранее, что проработает только два месяца. Кроме скромного заработка, ей это позволит получить зачет за практику. Маргарита, уже ставшая забывать тот период жизни, когда она не работала в этом аду, радуется, что сможет хоть на время переложить самую сложную работу на новенькую: мытье полов в палатах, кормление больных, уборку мочи. Она испытывает к молодой студентке смешанные чувства – с одной стороны, ей немного жаль девочку, ведь та явно не готова к тому, что её ждет на этой работе, с другой – она испытывает зависть, ведь Вера учится на врача, и медсестрой-санитаркой

пробудет только два месяца.

6

Они заходят в первую палату. Здесь два пациента – парень, напившийся на день города и решивший вскарабкаться на столб под одобрительные возгласы и улюлюканье друзей и в результате получивший сильный ожог от удара электрическим током (эту историю Маргарита успела рассказать, пока они шли с Верой по коридору), и склонная к полноте девочка, из шеи которой торчит множество дренажных трубок с гноем.

– У нее болел зуб, врач ей его вырвал, промыл, как мог, гнойник, сказал не переохлаждаться, укреплять иммунитет, – сделав небольшую паузу, Маргарита, сорокалетняя еврейка с усами и своеобразным, непривычным для слуха Веры выговором, продолжает: – Но на школьный выпускной она решила последовать примеру остальных и искупалась в озере, в еще студеной воде. В итоге её иммунитет дал сбой, гной попал в средостение и вуаля! Посмотри на нее теперь!

Вера кивает, стараясь изобразить на лице сострадание, но с трудом скрывая отвращение от увиденного: припухшая шея, вся в кровоподтеках и дырах с точащими из них трубками, следы йода, похожие на синяки, липкий гной.

– Состояние после операции критическое, тебе нужно будет постоянно промывать ей эти трубки, чтобы они не забились, – переходя к главному, говорит Маргарита, – Чуть

позже я тебе покажу, как это делать.

Вера опять кивает, продолжая смотреть на пациентку.

– Да, поначалу неприятно, потом привыкаешь, а когда привыкнешь и в аду хорошо, – Маргарита кладет руку на спину Вере, – Идем дальше, там тоже интересно.

Во второй палате лежит худощавый лысый старик, не пришедший в сознание после инсульта и операции, пытавшийся покончить с собой парень лет тридцати и мужчина с раздувшимся лицом, найденный избитым до полусмерти в лесу. Вкратце описав события, приведшие их сюда, Маргарита показывает Вере, как нужно ухаживать за больными.

Взяв все необходимое, они подходят к койке старика с инсультом. Маргарита осторожно поворачивает его голову вбок, так, чтобы не сместить трубку, торчащую из его большого, крючковатого носа, затем открывает ему рот и, мельком взглянув на Веру, чтобы убедиться, что она внимательно смотрит, с помощью марлевой салфетки обхватывает левой рукой его язык и оттягивает его наружу.

– Если бы у него были зубы, мы бы сейчас их стали чистить вот этой одноразовой щеткой. Но их, к счастью, нет, да и если бы были, не всегда у нас есть время на такой тщательный уход.

Вера смотрит на толстый налет на языке и серые дёсны. Маргарита отпускает язык, выбрасывает марлю, берет большой шприц и набирает в него розоватый раствор марганцовки, подкладывает под щеку старика поддон, оттягивает угол рта шпателем, надавливает на поршень: тонкая струйка омывает полость рта и стекает по бескровным губам в поддон

вместе со слюной, тягучей, мутной.

– Вот и всё, главное не попасть в дыхательные пути, – говорит Маргарита, стараясь приободрить Веру, которой поначалу все кажется слишком сложным, – Теперь протираем глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.